Цена номера 5 копеек

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, Дом Герцена. Тел. 2-80-12
Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч.
ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. О-во «Огонек», Москва, 6, Страстной бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.
МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37 (уг. М. Гнездниковского). Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На год — 2 р. 50 к., на 6 мес. — 1 р. 25 к., на 3 мес. — 65 к.
ЗА ГРАНИЦУ: на год — 1 долл. 25 ц., на 6 мес. — 65 ц., на 3 мес. — 35 ц.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 5 (42). Понедельник, 3 февраля 1930 г. | Орган Федерации Об'единений Советских Писателей | Выходит еженедельно

Сегодня в номере

ПЕРЕДОВАЯ—Против скептицизма. В. ПЕРЦОВ—Расслоение очерка. Я. КАЛЬНИЦКИЙ—Молочный гигант (1 стр.). А. ЛУНАЧАРСКИЙ—Вмешательство Наполеона. Г. ГОРБАЧЕВ — Меньшевизм в литературоведении. НИК. СИДОРЕНКО—К порядку дня (стихи) (2 стр.). ЛЮБОВЬ КОПЫЛОВА—Розовый парус (глава из повести). МАТЭ ЗАЛКА—О фельетонисте Ковинько и шантеклере куриц (3 стр.).
ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ: А. Фадеев, А. Безыменский. КАК МЫ РАБОТАЕМ (3 стр.). Информация. Театр.

Против скептицизма

Практика социалистического соревнования мало по малу охватывает все отрасли промышленности и, вероятно, в недалеком будущем она явится основным двигателем в деле развития коллективизации сельского хозяйства.

В отличие от утопического социализма, марксизм не выдумывает ни новых форм политической борьбы, ни способов организации производства, ни методов организации труда. Лишь на основании изучения конкретной обстановки и процессов классовой борьбы, условий развития производства, путем проверки, испытания марксизм намечает, отбирает наиболее целесообразные, жизнеспособные формы, типы, методы организации. Марксизм не выдумывает из головы, не творит новые формы на пустом месте из ничего.

Так было в ходе нашей революции с советами рабочих депутатов в 1905 г. Стихийно выдвинутые рабочими массами, как наиболее целесообразные орудия революционной борьбы против самодержавия, советы рабочих депутатов ныне стали всеобщей формой диктатуры пролетариата.

В самом начале зарождения советов рабочих депутатов т. Ленин отмечал огромное значение этой новой формы массовых организаций пролетариата и указывал на них, как на зародыши будущей политической власти. Дальнейший ход развития революции 1917 и последующих годов целиком подтвердил это гениальное предвидение значения советов рабочих депутатов.

Так же было и с другим, пожалуй, еще более важным явлением в области новой формы организации труда. В 1919 году, в тяжелую пору разрухи и гражданской войны, проницательный взор тов. Ленина уловил с виду как будто незначительное явление: добровольно организованный рабочими Московско-Казанской жел. дор. субботник. Эти явления самоотверженности и героизма голодных рабочих, действующих не во имя собственных личных выгод, а в интересах общества, государства, стали повторяться. Эти факты дали повод тов. Ленину дать им следующую оценку:

«Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина, будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым».

Ныне этот самоотверженный героизм социалистического соревнования захватывает все более и более широкие круги трудящихся и становится движущей пружиной общественного развития. Новая форма организации труда все более и более будет побеждать и вытеснять старые буржуазные методы, основанные на борьбе всех против всех, девизом которой было — «человек человеку волк».

Растущие новые формы организации труда, сознательной дисциплины и товарищеского соревнования, как способа повышения производительности труда, на практике подтверждают несостоятельность той мысли буржуазных ученых, которые со времени существования капиталистического общества пытались проходящие законы капиталистического развития возвести на степень вечных законов природы. Поэтому всех тех, кто пытался вести борьбу с эксплоататорами и насильниками - капиталистами за лучший социалистический строй, они об'являли врагами «прогресса», общественного развития и т. п. Самую же идею коммунизма они выставляли, как противную «человеческой природе».

«Социологи школы Дарвина, — писал Плеханов, — много говорят о борьбе за существование, которую они желали бы увековечить». Именно увековечить, перенеся эту теорию, таким образом, в область общественного развития. Это использование теории Дарвина со стороны буржуазных ученых в свое время Энгельс великолепно разоблачил в одном из своих писем к П. Лаврову:

«Все учение Дарвина о борьбе за существование есть просто перенесение из общества в область живой природы учения Гоббса о войне всех против всех и буржуазно-экономического учения о конкуренции рядом с теорией народонаселения Мальтуса. Проделав этот кунштштюк... опять переносят эти же самые теории из органической природы в историю и затем утверждают, что доказана их верность, как вечных законов человеческого общества».

Далее, Энгельс останавливается на рассмотрении отличий законов развития в человеческом обществе и естественной природе.

Буржуазия, победив феодальное общество, очень хотело увековечить свое господство. Ученые лакеи изо всех сил старались возвести законы капиталистического развития на степень «вечных», «незыблемых».

Энгельс в свое время в борьбе с буржуазными учеными указывал на то, что «общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны».

Новая фаза нашего хозяйственного развития, ее планомерность, организованность, сознательная дисциплина трудящихся и новые методы поднятия производительности труда со всей очевидностью подтверждают на практике жизненность, способность к росту и развитию новой формы социалистической организации.

Мы, разумеется, не заблуждаемся насчет трудности организации нашего хозяйства, труда, введения новых методов производства. Мы отлично понимаем, что когда «рождается новое — старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его». Но это старое всем ходом развития все-таки обречено на гибель, на отмирание. Вот почему всякого рода скептицизм, насмешки, издевательства над слабостью ростков нового являются, по сути дела, разновидностью приемов классовой борьбы врагов пролетариата.

Для победы нового общественного строя самым главным и важным является высокая производительность труда.

«Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве — писал тов. Ленин. — Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда».

Все эти неоспоримые истины, казалось, должны бы быть известны нашей советской писательской общественности, претендующей на роль передовых культурных людей и «двигателей» общественного прогресса. А между тем, как мы еще далеки от того, чтобы, поняв и уяснив себе ход исторического развития, со всей энергией и решительностью влиться в массовый поток перестройки нашего общества и помогать нашими творческими средствами в борьбе и строительстве рабочему классу.

Воспевать, описывать, изображать, внушать любовь, симпатию ко всему новому, жизнеспособному, здоровому и, с другой стороны, создавать атмосферу презрения, ненависти вокруг того, что обречено ходом истории на гибель, и что мешает, препятствует приближению идеалов класса трудящихся, осуществляющего ныне свою диктатуру. Вот к чему должен стремиться и чем вдохновляться советский писатель.

СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ

ПЕРВАЯ ПЯТИДНЕВКА КЛУБА

Сегодня в 20 час. состоится торжественное открытие клуба писателей ФОСП.

В программе открытия клуба—официальная часть и «Литературное обозрение» в исполнении артистов театра обозрения Дома печати.

Билеты распределены по литорганизациям.

В этот же день клуб писателей открывает свои кабинеты: писательского труда и быта, 2 рабочих кабинета для писателей, кабинеты—по изучению читателя художественной литературы и начинающего писателя и физкультуры.

В кабинете физкультуры будет проводиться консультация, индивидуальная гимнастика, легкая атлетика, фехтование, бокс и т. п.

При клубе ФОСП открыт каток. Намечена организация лыжных вылазок и уроки верховой езды в манеже им. Подвойского (на улице Воровского).

* * *

4 февраля в клубе ФОСП состоится вечер «Писатели в культпоход». После доклада зам. председателя Главполитпросвета тов. **Алымова** состоятся выступления представителей штабов дошкольного, библиотечного и ликбезпоходов. В художественной части вечера выступит тов. **Яхонтов** с речью «Торжественное обещание».

С 5 по 8 февраля в клубе писателей будет проведена областная конференция МАПП.

9 февраля—устраивается доклад комиссии при Главнауке «О латинизации русского алфавита».

10 февраля—состоится повторение художественной части вечера при открытии клуба писателей—«Литературное обозрение» в исполнении артистов театра Дома печати.

Начало всех вечеров в клубе ФОСП в 19½ час.

При клубе писателей ежедневно открыта библиотека-читальня с 17 до 21 часа и журнальная комната. Выдача книг на дом начнется с 15 февраля для членов клуба.

Кино-кабинет при клубе ФОСП будет открыт 11 февраля.

А. Б. ХАЛАТОВ—ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ КЛУБА ФОСП.

Секретариатом ФОСП утвержден членом правления клуба писателей от Гиза тов. **А. Б. Халатов.**

КАБИНЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Правление клуба писателей решило организовать при клубе самостоятельный кабинет по изучению читателя художественной литературы. К работе кабинета будут привлечены силы РАНИОНА, ИКП, литорганизации, издательства и др. Кабинет по изучению читателя свяжется с организациями, ведущими аналогичную работу.

КУЛЬТОБСЛУЖИВАНИЕ—НА ДВУХ-СМЕННУЮ РАБОТУ

Правительственная комиссия по непрерывке представила на утверждение СНК СССР проект перевода культурно-бытовых учреждений, в частности,—библиотек и музеев, на двухсменную работу. В случае невозможности введения второй смены, проект предусматривает чередование утренних и вечерних часов работы в различные декады или дни рабочей недели.

Первая областная конференция МАПП открывается 5 февраля, в 20 час., в клубе ФОСП (улица Воровского, 52).

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. **Задачи РАПП в реконструктивный период (доклад т. ФАДЕЕВА).**
2. **О пролетарской поэзии (доклад т. СЕЛИВАНОВСКОГО).**
3. **Задачи организационной и воспитательной работы МАПП (доклад т. СУРКОВА с содокладом о работе кружка коломзавода т. ИСБАХА).**
4. **Выборы правления и ревкома.**

Регистрация делегатов в правлении МАПП (Тверской бул., 25) с 10 час. утра, 5 февраля.

В день открытия конференции организуется литературно-музыкальный вечер (поэты МАПП и ассоциации пролетарских музыкантов).

Трансляция открытия конференции по радио будет производиться опытным передатчиком НКПиТ.

Отв. секретарь МАПП СУРКОВ.

ПЕРВОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МАПП—ПРИВЕТ

Издательства забывают, что книга—орудие классовой борьбы

ГИЗ, СЕЛЬХОЗГИЗ, КНИГОСОЮЗ, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», ЦЕНТРИЗДАТ И «КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА» НЕ ВЫПОЛНЯЮТ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПЛАНОВ И СРЫВАЮТ АГИТАЦИОННО-РАЗ'ЯСНИТЕЛЬНУЮ РАБОТУ ПО ПОСЕВКАМПАНИИ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ.

ПРОВЕРИТЬ, КАК ИДЕТ СНАБЖЕНИЕ КНИГОЙ ЧЕРЕЗ КООПЕРАЦИЮ.

В конце ноября прошлого года книготорговый отдел Центросоюза обратился ко всем крупным издательствам с просьбой о своевременном выпуске литературы к весеннему севу. Эту литературу Центросоюз должен был получить от издательств с таким расчетом, чтобы не позже **1 февраля** разослать ее из Москвы всей системе потребкооперации на периферию.

Центросоюз заказал крупным издательствам (Гиз, Сельхозгиз, Книгосоюз, «Молодая Гвардия», Центриздат и «Крестьянская Газета») 287 названий книг к посевкампании в количестве 16 млн. экземпляров. Из них, Гиз должен был дать 59 названий в 4.128 тыс. экз., Сельхозгиз—103 названия в 3.188 тыс. экз. и т. д.

Согласно этих заявок издательства должны были выпустить и прислать Центросоюзу эту литературу к 1 февраля.

Как же выполнили издательства это важное задание?

На 30 января, по заявлению зав. ассортиментной группой книготоргового отдела Центросоюза т. **Н. Михеева**, от всех этих издательств Центросоюзом получено **132 названия** (около **40 проц.**). **Госиздат вместо 59 названий дал пока только 28 названий, Книгосоюз—9 названий (из заказанных 52), «Молодая Гвардия»—13 названий (из 39) и т. д.**

Совсем плохо обстоит с выпуском нацменлитературы к весеннему севу. Центриздат должен по плану к 20 февраля (уже с отсрочкой) издать и переслать Центросоюзу 27 названий книг. **До 30 января Центросоюз не получил от Центриздата еще ни одной книги, а только...** плакаты.

Намеченный первоначальный срок отправки литературы на места к посевной кампании уже прошел. Издательства не выполнили порученное им задание.

В то же время, **Центросоюз ежедневно получает пачками телеграммы от местных союзов потребкооперации с жалобами на сильную нехватку литературы к посевной кампании.**

Особенно остро обстоит вопрос с колхозной литературой. **Книготорговый отдел Центросоюза, в виду недостатка колхозной литературы, отказывает местам в комплектовании колхозных библиотек.**

Всесоюзная посевная тройка при комитете по делам печати признала возможным разослать литературу к посевкампании в области средней полосы и северной РСФСР до 20 февраля.

Несмотря на это, для ряда районов (Крым, Северный Кавказ, Сибирь), как указывает **книготорговый отдел Центросоюза, этот срок рассылки литературы к весеннему севу уже запоздал.**

Издательства должны принять все меры по выпуску литературы к посевкампании, к окончательному, установленному для них сроку—20 февраля. Необходимо срочно согласовать издательствам с Центросоюзом характер выпускаемой ими литературы и их тиражи.

Дальнейшая просрочка недопустима.

КНИЖНЫЙ ПОХОД В ДЕРЕВНЮ

Книга должна в большей мере помочь выполнению директивы правительства: «Ликвидировать в этом году агрономическую неграмотность 6 млн. крестьян из колхозного и бедняцко-середняцкого актива».

Для успешного проведения весенней посевной кампании надо вооружить книгой каждого колхозника, каждого рабочего совхоза, каждое бедняцко-середняцкое хозяйство.

Перед всеми советскими и общественными организациями стоит важная задача—широко продвинуть книгу в деревню в помощь сельскохозяйственной кампании. Для этого должен быть использован и библиотечный поход.

Потребительская кооперация поставила задачей в ближайшее время на период весеннего сева выделить не менее **100.000 книгонош.**

При каждом районом и крупном сельском потребительском обществе срочно организуются книгоношеские группы из школьников, молодежи и актива по 25—30 чел. Для этих групп проводятся краткосрочные трехдневные курсы книгонош. В сельских школах организуются выставки книг, по которым книгоноши изучат формы и методы пропаганды книги.

В книжном походе в деревню примут также участие: учительство, политпросветработники, культармейцы, письмоносцы и работники связи.

Комсомольские политпросветорганизации окажут помощь потребобществам в организации книжных пунктов.

Только своевременный выпуск издательствами литературы к посевкампании даст возможность успешно провести книжный поход в деревню.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЕВРЕЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Всеукраинское общество содействия еврейской культуре (Гезкульт) на днях провело свою первую всеукраинскую конференцию. Делегаты заслушали ряд докладов видных работников, в том числе: т. **Невельского** о культработе всеукраинского совета профессиональных союзов среди еврейских членов профсоюзов и т. **Мышковского** о государственном культурном строительстве среди еврейских масс. Конференция выработала широкую программу деятельности в области просвещения, искусства, литературы, науки. Устав Гезкульта постановлено изменить в духе задач культурной революции. Постановлено также переименовать о-во в «Общество еврейской **социалистической** культуры».

НА СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ТОВ. А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ—АКАДЕМИК.

На заключительном общем собрании январской сессии Академии Наук СССР в Ленинграде присутствовало 52 действительных члена академии. Подавляющим большинством голосов действительным членом Академии Наук по кафедре истории языка и литературы избран **Анатолий Васильевич Луначарский**, кандидатура которого поддерживалась гуманитарным отделением академии.

НОВЫЕ АКАДЕМИКИ.

Действительными членами Академии Наук избраны по физико-математическому отделению—**проф. Л. В. Писаржевский** (кафедра химии) и по гуманитарному отделению—**В. П. Волгин** (кафедра истории).

Почетными академиками избраны иностранные ученые: геологи—**Шарль Барруа** (Франция), **В. Бреггер** (Норвегия), **И. Вальтер** (Германия); физики—**Джолли** (Англия), **Эдиссон** (САСШ), **Вуд** (САСШ), **Пашени** (Франция), **Нагаока** (Япония) и биолог **Хорвад** (САСШ).

Из числа советских ученых почетным членом Академии Наук избрана женщина-геолог **М. В. Павлова.**

ТЕМПЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ПУШКИНА.

На заседании отделения гуманитарных наук академии был заслушан доклад директора Пушкинского дома **ак. П. Н. Сакулина.** Докладчик указал на необходимость закончить печатание академического собрания сочинения Пушкина, которое продолжается уже более 40 лет. Собрание постановило закончить издание к 1937 году, приурочив его к столетию смерти Пушкина.

ВЫСТАВКА МАЯКОВСКОГО ОТКРЫЛАСЬ

1 февраля в клубе ФОСП открылась выставка Вл. Маяковского. Выставка расположена в трех комнатах и заключает в себе различные издания книг Маяковского, как на русском, так и на иностранных языках, макеты театральных постановок у нас и за границей, отзывы о книгах, плакаты, лозунги, афиши выступлений, газеты Москвы и СССР, географическую карту Европы с выступлениями Маяковского, выставлены записочки, присланные Маяковскому на ряде его диспутов.

Целую стену занимает «Окно сатиры» Роста.

Выставка открыта ежедневно с 12 до 17½ час.

Отзыв о выставке будет помещен в следующем номере «Литерат. Газеты».

Книжная выставка.

ПЕЧАТНОЕ СЛОВО В КОЛХОЗАХ

Хозяйственными организациями комплектуется ряд выездных газетных бригад для посылки в районы сплошной коллективизации. В ближайшее время на места выезжает около 50 бригад, состоящих каждая из редакции и типографии. Мосполиграф, Печать-союз, Госиздат, Центросоюз и «Правда» выделили для нужд газетных бригад 84 плоских машины легкого типа. Полиграфтрест предоставляет шрифты, краски и типографские принадлежности для печатания 50 газет, а московский областной союз печатников командирует в порядке добровольчества 150 человек членов союза.

Приступлено также к отбору литературных сил, в порядке добровольной мобилизации московских журналистов. Каждая газетная бригада будет состоять из 4 человек: редактор, два наборщика, печатник. Такой состав редакции доказал свою рациональность, работая в газетах, выходящих на лесозаготовках. Выезжающие редакции охватят колхозы: зерновые, животноводческие, технические и огородных культур. Первые газетные бригады выезжают в начале февраля.

КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ КНИГУ ДЛЯ ДЕТЕЙ О ПЯТИЛЕТКЕ

Центральная комиссия при Наркомпросе по проведению конкурса на лучшую книгу для детей о пятилетке получила ряд отзывов от рабочей молодежи, всемерно приветствующей организованный конкурс.

Комсомольский ликкружок Электрозавода взялся коллективно написать художественное произведение — книжку для детей о строительстве Электрозавода. Ликкружок привлекает для этого и старых рабочих.

В Госиздате и «Молодой Гвардии» организуется литконсультация по вопросам создания книги о пятилетке для детей.

Центральная комиссия при Наркомпросе наметила выпуск афиши-листовки с воззванием ко всем трудящимся с призывом принять участие в конкурсе. Составлены специальные письма-обращения к профсоюзным, хозяйственным и общественным организациям об оказании материального содействия и помощи проводимому конкурсу.

Молочный гигант

(Литбригада в Совхозе)

Снег хрустит под ногами, сосны и ели шумят, как волны морского прибоя. Где-то фыркают машины, неясный гул превращается в треск, грохот, лязг...

Подымаются и опускаются молоты, грызут, гыркают пилы, со свистом скользят рубанки.

Вон пилят буренке рога, чтоб товарку не поранила. Другую натирают зеленой мазью, чтоб клещей вывести. Хвост моют в теплой воде, шерсть разглаживают щеткой.

Этой по корпусу нехватает двадцать кило. — Усилить питание!

Той полагается давать четырнадцать литров молока в день, дает только восемь.—Усилить дачу корнеплодов!

В «Молочном Гиганте» 1.400 пансионерок, — по 250 в скотном дворе. Светлые чистые и просторные помещения во всем превосходят хваленые американские скотные дворы.

На 12 коров—одна коровница, вернее—няня. Она ходит за своими питомицами, выискивает клещей, поит, кормит, доит, гулять водит.

Коровы продолжают поступать. Его бывшее императорское величество «в бозе почивший» Николай безголовый зря верил гадалкам. Ни одна не предсказала, что земляной вал, с которого он «наблюдать изволил» маневры под Клементьевым, что в 20 верстах от Можайска, окажется годным для... коровьего карантина.

Но здесь ничего не пропадает. «Молочный Гигант» МСПО живет двумя планами: строясь, снабжает наших ребят молоком. Уже теперь он выбрасывает в Москву ежедневно 10.000 литров; через год он будет давать 70.000 литров хорошего, полножирного молока каждый день. Тогда число коров дойдет до 5.000 голов, и совхоз станет первым в мире по количеству дойных коров и по постановке дела.

Супружество обобществленное. Пятьдесят мускулистых племенных быков готовятся к весенней ударной кампании.

Рядом—коровий детский сад и своеобразный «дом матери и ребенка». Все строится, совершенствуется, но уже функционирует.

На «форде» прямо по снегу приползли из Можайска уполномоченный ГПУ и начальник админотдела. Они сказали:

— Тревога!

Товарищ Силкалн—директор совхоза—ответил:

— Хорошо!

Пожарный побежал к телефону. Где-то далеко забубнил колокол. На тяжелой лошади галопом примчался милиционер. Бессильный сдержать кобылу, он крикнул:

— В ваше распоряжение,—и умчался за скотный двор.

Фыркнул и застопорил новый «АМО». Рабочие попрыгали в снег, помпа перепорхнула к гидранту. Птицей вырвалась струя...

Потом прибежал рабочий, без шапки, в одной рубахе.

— Где горит? Учебная? Уф... а я думал несчастье...—он тяжело опустился в снег.

По аллее черным потоком неслась людская лавина из Клементьева.

— Горим?

— Да нет, учимся...

Последними, толпой, пришли ребятишки. Шестилетний карапуз, боясь, что его не пустят к пожару, твердил каждому встречному:

— Я ведь к Ваське!

Клуб утеплен жестянками в окнах, заплатами на стенах и человеческими испареньями.

В нем хозяйничают пионеры, прибывшие бригадой из Москвы. Они никого не искали, никого не спрашивали—пришли в клуб как хозяева, созвали ребят и под нестройный гомон впервые заучиваемых песен стали ладить плакаты, гирлянды, писать статьи.

Особенная газета висит в рабочкоме: грамотная идеально, боевая, задорная, красиво написанная — пионерская газета... Во всем клементьевском коллективе, пожалуй, не найдется рабочего, который не принял бы бодрого вызова пионеров.

Гигант, работая, учится. Сегодня—агрокурсы, завтра — животноводство, послезавтра — политучеба и еще—три раза в неделю тракторные курсы, ликбез, кружки и пр. и пр.

Лекторов не выписывают, читают свои — красные специалисты. И директор Силкалн является чем-то вроде профессора, а секретарь ячейки—лектором.

Мы знакомились с новой аудиторией: Кирсанов пел свои стихи, я читал рассказы.

Слушали внимательно и вместо благодарности сказали:

— Здорово!

Да, здорово, красногигантцы, здорово! Ваша напряженная работа нужна социалистической стройке не меньше, чем наши стихи и рассказы.

Я. КАЛЬНИЦКИЙ.

Расслоение очерка

(Очерк организаторский и очерк мемуарный)

Очерк не является чем-то неизменным. В разные эпохи он разный. Теперь, когда очерком заинтересовались стало видно, что современный очерк далеко неоднороден

Нелепо думать, что очерк — последняя и окончательная форма литературы, что он должен вытеснить всю литературу. Но с другой стороны нельзя, думать, что так как литература велика, то ее хватит на все жанры и провозглашать правильно: «laisser faire, laisser passer».

К очерку нужно выработать диалектический подход. Не беспринципно-приемлющий и не догматически-исключающий все, кроме очерка, а именно диалектический. И тогда для нас сделается ясно, что очерк стал сейчас в центре внимания именно потому, что проблемы очерка не «местные», так сказать проблемы, **а обще-литературные**, с наибольшей остротой в нем выраженные.

В современном очерке, сквозь различные виды его материала, как-то — путевой, производственный, бытовой и т. п. просвечивают две противоположные установки. Они определяют отношение очеркиста к жизни, к социальной действительности. Ведь характерная особенность очерка заключается в том, что это повествование о непосредственно **наблюденных** автором подлинных явлений жизни (или, тем более таких, в которых он участвовал). Нельзя писать очерк посредством фантазии или по слухам; по догадкам или предположениям. Нужно встать в непосредственное соприкосновение с жизнью, **в пределах досягаемости органов чувств**— тогда можно писать очерк.

Иное дело беллетристика. Сын Чернышевского, желая смягчить участь отца, в прошении на «высочайшее имя» об'яснял появление первого беллетристического произведения Чернышевского—романа «Что делать» причудами фантазии, разыгравшейся вследствие безвыходного положения литератора, отрезанного в заточении от источников, от подлинной жизни.

Одна из возможных установок очеркиста состоит в том, что он рассказывает обо всем, что врезалось в его память, то-есть во всех случаях предметом рассказа является, по сути дела, он сам Описывая, он свободно отдается **воспоминаниям,** которые приносят ему именно эти, а не иные подробности и факты.

Принципиально иной характер имеет другая установка очеркиста. Рассказывая о наблюденных им явлениях жизни, он, прежде всего, хочет оставить в жизни какой-то **организационный след** или, как говорят, изменить жизнь. Этим уже определяется отбор его наблюдений и сортировка материала, удержанного памятью.

В первом случае очеркист представляет собой разновидность мемуариста, с той только разницей, что он пишет воспоминания не о прошедшем, а о настоящем. Такой очерк представляет собой разновидность мемуаров с их характерными особенностями: биографизмом в описании явлений (очеркист все время описывает себя), кусочной конструкцией, несрочностью издания (мемуары, как завещание, пишутся на после смерти).

Во втором случае очеркист выступает перед нами, как организатор определенного отрезка социальной жизни. Организаторский очерк пишется с определенным расчетом, когда он появится. Этим он близок публицистической статье.

Уже из сказанного ясно, что очерк как таковой еще не является гарантией социальной действенности. Когда говорят—очерк, то нужно еще спросить какой?—**организаторский или мемуарный?** Важно подчеркнуть, что это классификация не по жанрам, а по социальным функциям.

В частности, мемуарный очерк по своей социальной значимости, конечно, уступает советской беллетристике на современные темы при всех ее недостатках. Мемуарный очерк очень часто уводит от жизни, несмотря на то, что говорит о настоящем.

Выдающимся представителем мемуарного очерка мы считаем Михаила Пришвина. Особенный интерес в плане данной статьи представляет его книга-очерк «Башмаки», подчеркнуто названная Пришвиным,—исследованием журналиста.

В исследовании «Башмаки» исследован не столько башмак, сколько сам исследователь. Впрочем, у Пришвина можно найти и справки по истории кустарного дела в селе Талдом и анализ техники башмака, и экономику башмака, и гражданские мотивы.

Это все рядом с любовно-выписанным эпизодом поездки на душегубке, кроншнепом, журавлями, утками, медведем, лосем, потыкушками и т. п. Пришвин благодушно вспоминает все, как он говорит, «независимо от темы—Шекспир это или башмаки». Он вносит в свои мемуары о крае и ничего не значущий факт о гусенице, проглоченной его товарищем, и резко-значимый факт о том, что башмачники края тянут зубами кожу сейчас, при электрической лампочке так же, как они тянули при Дон-Кихоте в XVI веке.

Так точно дьяк в приказах.
поседелый,
Спокойно зрит на правых и
виновных,
Добру и злу внимая равнодушно...

Несправедливо сказать так о Пришвине. Он не равнодушен, но он, так сказать, равномерно взволнован, «независимо от темы,—Шекспир это или башмаки».

Оригинальную разновидность мемуарного очерка дает Виктор Шкловский. Но и для него характерна равнопенность наблюдений-воспоминаний, отсутствие целевого критерия в их отборе.

Полную противоположность представляет очерковая работа принципиального сторонника очерка —Сергея Третьякова. Очерк Третьякова, в большинстве случаев, к чему-то обязывает. После него нужно на что-то решиться, от чего-то отказаться, одним словом, делать выбор. Очерк Третьякова ультимативен. Он лишен созерцательности. Он выводит человека из состояния покоя в состояние атаки. Волевая культура таких вещей, как «Слушишь, Москва», «Рычи, Китай», «Хочу ребенка», приводит в очерке Третьякова к реальной коллизии между автором и читателем.

Представителем организаторского очерка является также Куснер, которому удалось в его первой книге о западной технике вызвать зависть к тому, **как** мир оборудован буржуазией—в духе лозунга—«догнать и перегнать».

Из молодых очеркистов-организаторов выделим Е. Строгову.

Своим превосходным очерком «Красивая жизнь», напечатанным в «Комсомольской Правде», она показала возможность существования проблемного очерка. Строгова наметила тип очерка, который в пору социалистической перестройки быта может стать могущественным средством постановки и разрешения—вместе с массами—бытовых проблем. За это говорит активность читателей очерков т. Строговой.

Интересен также З. Чаган, сумевший в таком очерке, как «Ленточка», уйти от буржуазного техницизма очеркистов, описывающих машину, и показать человека в его социально-производственном взаимодействии с машиной. Другой план работы З. Чагана—очерк-пропаганда. Пишет он такой очерк иногда под Пильняка—с захлебом, что вредит агитационной задаче.

Мемуарный очерк—аполитичен, организаторский очерк — боевое орудие классовой борьбы.

Можно было бы сказать, что организаторский очерк определяет поведение, в то время, как мемуарный определяет настроение. Но, конечно, между этими двумя типами очерка нет непримиримого противоречия ни в воздействии, ни в методах.

Организаторский очерк не отказывается от методов мемуарного, т.-е. он должен умело включать в себя занимательные «воспоминания»—фольклор, редкий или забавный случай и т. п., но весь этот материал, который память хранит, подчинен одной цели,—оставить организационный след в жизни. Организатор не «вспоминает», он предвидит.

Большая линия эпохи проходит сейчас именно через организаторский очерк.

В. ПЕРЦОВ.

Международный политический обзор.

Ряд признаков, появившихся за последнее время, указывает на усиление агрессивных тенденций в политике международной буржуазии по отношению к СССР. Одним из показателей этого рода являются интриги американского империализма в Мексике, под влиянием которых мексиканское правительство, воспользовавшись первым попавшимся предлогом, порвало свои отношения с Советским Союзом. Этот акт совпал по времени с новым взрывом антисоветской кампании в германской, английской и французской печати, с вынесением позорного оправдательного приговора по делу подделывателей векселей Литвинова и К-о и с усилением деятельности белогвардейцев. Активизацию враждебной СССР политики международного империализма не трудно связать с обостряющимся хозяйственным кризисом в капиталистических странах, а также с успехами социалистического строительства в СССР, взрывающими надежды мировой буржуазии на возвращение советской страны к капитализму.

Другой общий момент, который должен быть отмечен—это осязательное обострение классовой борьбы в странах капитализма, повсеместный рост забастовочного движения и движения безработных, переростающего, как в Германии, в уличные столкновения и бои и свидетельствующего о значительном под'еме революционной конъюнктуры.

Заседающая в Лондоне конференция по ограничению морских вооружений проходит под знаком величайшего обострения противоречий между участвующими в ней империалистическими державами. В процессе предварительной подготовки, занявшей несколько месяцев, им не удалось договориться между собой. Дискуссия в Лондоне до сих пор не вышла из самой предварительной стадии и все еще вращается вокруг методологических вопросов. Английский империализм, который стремится обеспечить свое фактическое превосходство на море ограничением американского строительства крупных крейсеров и французского строительства крейсеров и подводных лодок, требует, чтобы максимальный тоннаж был установлен по каждой категории морских судов. Франция, наоборот, стремится, чтобы был установлен только общий максимум военно-морского тоннажа, что дает ей возможность построить мощный крейсерский и подводный флот. Сейчас обсуждается компромиссное французское предложение: ограничение производится по категориям судов, но с правом каждой державы более или менее произвольно перераспределять их в пределах предоставленной ей цифры общего тоннажа. Эти споры о совершенной очевидностью говорят о том, что морская конференция не имеет ровно ничего общего с действительным разоружением или сокращением вооружений, и что под прикрытием лицемерных пацифистских фраз империалисты деятельно готовятся к новой мировой бойне.

После соответствующей обработки со стороны властей, прессы, самого суда, защиты и наконец прокуратуры суд присяжных в Париже вынес оправдательный приговор трем мошенникам, уличенным в подделке векселей советских хозорганов. Самый факт, что пострадавшим оказался Советский Союз, был достаточен для того, чтобы французская буржуазия оправдала и обласкала явных воров и жуликов. Характерно, что прокурор не нашел другого доказательства бесспорной виновности подсудимых, кроме заявления, что советское правительство, дескать, всегда оплачивает свою пропаганду за границей не поддельными векселями, а наличной валютой. Вынесение этого, скандального даже для французского буржуазного правосудия, оправдательного приговора равносильно попытке лишения наших органов на французской территории всякой правовой защиты и вызвало справедливое возмущение французских трудящихся.

Позорный приговор французского суда находится впрочем в полном соответствии с той общей атмосферой травли Советского Союза, которая поддерживается во Франции и которая особенно сгустилась со времени дела Беседовского. Все последнее время антисоветская кампания во Франции развивается на основе трогательного единения французской буржуазии с белыми эмигрантами, банкротов завтрашних с банкротами вчерашними. Лидеры белогвардейцев Керенский и Милюков выступают на собраниях парламентских фракций социалистов и радикалов и на собрании реформистской конфедерации труда с гнуснейшими инсинуациями против СССР. В этих выступлениях они клевещут, будто советское правительство терроризирует крестьянство, пытаются — в который раз!—убедить своих слушателей в неизбежности в ближайшем будущем падения советской власти и призывают к «энергичной моральной интервенции в защиту жертв большевизма». По докладу этих белогвардейских клеветников радикальная фракция парламента приняла резолюцию об «изучении фактов, изложенных в волнующих сообщениях Керенского и Милюкова». Само собою разумеется, что вопли о советском терроре являются лишь предлогом для определенной политической кампании, действительной целью которой является разрыв франко-советских отношений. Этот секрет выбалтывают правые крайние газеты, открыто требующие, чтобы Тардье «порвал с Довгалевским». Сами радикалы повидимому смущены эффектом своей смычки с белогвардейцами, чего впрочем нельзя сказать о руководителях желтых профсоюзов и социалистах: последние, как известно, недавно заявили, что борьба с большевизмом остается чуть ли не основной задачей их партии.

Связь антисоветской кампании с деятельностью белогвардейцев раскрывается и в тех новых антисоветских выступлениях и инсинуациях по адресу полпредства СССР, которыми французская пресса сопровождала очередную сенсацию белоэмигрантского мира — загадочное исчезновение белогвардейского генерала Кутепова. Реакционная пресса строит уже догадки о «похищении» белогвардейского генерала Кутепова большевиками и пользуется случаем для повторения глупейших выдумок о работе ГПУ на французской территории. Благодаря той роли, которую играет сейчас белая эмиграция во Франции, исчезновение Кутепова, которое в другое время не вызвало бы особенного шума, вырастает в политическое событие.

Куда конь с копытом—туда и рак с клешней. Боярская Румыния, больше чем когда бы то ни было зависимая от своих империалистических хозяев, спешит попасть в тон их антисоветским настроениям. На собрании студентов-богословов в Кишиневе командир одного из армейских корпусов генерал Драгу потребовал усиления вооружений Румынии на том основании, что она должна защищаться от возможного нападения СССР. Даже румынская буржуазная печать признает, что это выступление Драгу имеет провокационный характер. Само собою разумеется, что толки империалистов и их агентов о «защите от нападения» надо понимать не иначе, как выражение готовности к наступлению, и что румынское бряцание саблей является нов

О консолидации сил пролетарской литературы

К вопросу о работе РАПП и „Кузницы"

Общемосковское собрание ВОПП «Кузница» 28 января с. г. по докладу о текущем моменте и задачах пролетарских писателей признало необходимым полную консолидацию сил на фронте пролетарской литературы.

Общее собрание «Кузницы», учитывая обострение классовой борьбы, как противодействие со стороны кулацких элементов города и деревни великому делу индустриализации и коллективизации страны, считает неотложным сплочение коммунистических и близких пролетариату писательских и литературоведческих сил в рядах единой пролетарской организации

Такой организацией, имеющей в основном правильную политическую установку и отвечающей массовому литературному движению формы, «Кузница» считает Всесоюзное об'единение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП).

Ошибки, главным образом, группового характера как со стороны руководства РАПП, так отчасти и со стороны «Кузницы» привели одно время эти фаланги пролетарской литературы к разрыву и выходу «Кузницы» из ВОАПП.

Еще в октябре прошлого года Совет «Кузницы», не останавливаясь на разногласиях и вопреки им, вынес постановление, переданное секретариату ВОАПП, о необходимости вхождения «Кузницы» во Всесоюзное об'единение АПП.

Не взирая на то, что секретариат ВОАПП счел нужным до сего времени хранить «заговор молчания» относительно заявления «Кузницы», а руководство РАПП продолжало травлю «Кузницы» и ее писателей. Совет «Кузницы» настойчиво вел пропаганду в рядах своего об'единения идеи сближения и консолидации сил всех пролетарских писателей и критиков.

28 января общемосковское собрание «Кузницы» **единогласно** высказалось за слияние организаций, действующих на территории РСФСР (РАПП и «Кузница»), путем вхождения «Кузницы», всех ее кружков, а равно писателей—одиночек в ряды РАПП.

Вместе с тем, собрание «Кузницы» наметило ряд положений, подлежащих разрешению в порядке соглашения между обеими организациями.

Первым совершенно необходимым условием вхождения в РАПП «Кузница» согласно воли общемосковского собрания ставит сохранение за «кузнецами» права на самостоятельную литературно-творческую работу, как группы, складывавшейся на протяжении десяти лет, а отсюда:

а) необходимость творческой и методологической автономии «Кузницы» (ее художественной платформы);

б) сохранение за «кузнецами» права вести внутри РАПП, в печати и т. д. борьбу с застарелыми ошибками руководства РАПП как в области теоретически-художественной работы (платформа РАПП), так и в деле постановки воспитания молодняка, методов его формирования и т. п.

Вторым необходимым условием вступления в РАПП «Кузница» считает немедленное декларирование РАПП внедрения в практику всех его кружков и групп творческого соревнования, а отсюда—признания за членами РАПП, разделяющими то или иное направление в области творчества, стиля и т. п., права образования внутри РАПП, под его единым политическим и организационным руководством, отдельных групп и кружков по признакам творческой методологии, художественных течений и школ.

«Кузница» убеждена, что до создания в процессе борьбы за гегемонию пролетарской литературы общепризнанного, отвечающего запросам эпохи, стиля, до выработки подлинно-единой художественной платформы, охватывающей интересы всех здоровых творческих течений и наиболее созвучной требованиям пролетариата, необходимо всяческое содействие развитию в писательских массах РАПП соревнования, инициативы и, вообще, разносторонних творческих поисков.

Замыкание художественных сил пролетариата в рамки «единой платформы», стремление навязать этим силам «единые», непроверенные, а нередко и безусловно ошибочные положения (каковыми, напр., были лозунги РАПП о «живом человеке», о «психологизме», как основном творческом методе, и продолжает быть утверждение примата в творчестве «подсознательных» сил, «непосредственного созерцания истины» и т. д. и т. п.),—«Кузница» находит все это абсолютно вредным для роста и вызревания пролетарской литературы.

Естественно, что на ряду с раскрепощением творческой инициативы внутри РАПП, самодеятельности масс и свободы соревнования групп и кружков, этим группам, кружкам и течениям должна быть дана полная возможность выражения своих положений и защиты их, прежде всего, в печатном слове. Отсюда необходимость сохранения за группами и кружками творческого облика, поставленных ими органов печати, в первую голову, сложившихся и имеющих широкие читательские кадры, как напр., журналы: «На литпосту», «Октябрь», «Журнал для всех», «Печать и революция».

Третьим условием, обеспечивающим консолидацию сил на пролетарском участке литфронта, Кузница» считает немедленный приступ к перестройке и оздоровлению работы всех групп и кружков пролетлитературы путем формирования новых рабочих кадров и орабочения уже имеющихся, с непременным прикреплением к делу учебы наиболее выдержанных сил литературоведов, критиков и писателей.

Дело учебы, воспитания и творчества литературных кадров пролетариата должно стать неотложно-боевым делом. **подлинною практикою РАПП.**

В соответствии с этими тремя основными условиями, обеспечивающими, по мнению «Кузницы», реальное боевое сплочение сил пролетарских писателей. «Кузница» будет ставить и другие вопросы, связанные с трудом, бытом и борьбою за гегемонию пролетарской литературы и критики.

«Кузница» убеждена, что пролетарская литература в недалеком будущем «заработает» полную победу, и эта победа будет тем ближе к нам, чем активнее будем мы проводить в жизнь требования, связанные с созданием единой, монументальной, боевой, развязывающей инициативу и самокритику масс. организации пролетарских писателей.

Самокритика, соревнование, широчайшая инициатива групп и кружков при боевой пролетарской дисциплине и крепком, авторитетном руководстве,—вот что выведет пролетарских писателей на широкую дорогу, свяжет их с массами и сделает их труд достойным задач, поставленных революцией перед пролетариатом.

Президиум совета «Кузницы»

ВЛ. БАХМЕТЬЕВ.
ФЕДОР ГЛАДКОВ.
И. ЖИГА.

31 января 1930 г.

Передовые писатели—в партию

В то время, когда среди некоторых писательских кругов наблюдается разброд и уныние, лучшие писатели, вышедшие из рядов рабочего класса и на протяжении всей революционной борьбы идущие в ногу с ним, стремятся отдать свои силы авангарду пролетариата—коммунистической партии. Такими писателями являются члены «Кузницы» **Сергей Обрадович** и **Николай Ляшко.** Эти товарищи подали заявление во фракцию «Кузницы» о желании их вступить в ряды ВКП(б).

Н. Ляшко пишет: «Политическая жизнь, классовая борьба в Союзе республик на всех фронтах усложнилась и требует от каждого сознательного, принимающего в ней участия пролетария—тем более писателя—напряжения всех сил. Все, что я, общественно-литературный работник, делал и делаю, вытекало и вытекает не только из моих убеждений, но и из моих чувств. Иным, чем я есть, иным, т.-е. противоречащим моим литературным произведениям, я не могу быть. Поэтому я прошу фракцию помочь мне войти в ряды партии, с которой я ни теоретически, ни практически ни в чем не расхожусь и линию которой считаю единственно правильной».

С. Обрадович пишет: «Идут годы, годы тяжелой ответственной и великой работы на всех фронтах нашей жизни: культурном, производственном, бытовом и др.».

Задача пролетарского писателя — отобразить в своем творчестве **правду** этой героической эпохи, а для этого ему—писателю—надо жить трудом и борьбой, радостями и печалями своего рабочего класса.

Быть в стороне, быть вне строя борющегося и побеждающего, быть вне рядов строящего жизнь, быть вне авангарда рабочего класса — ВКП(б)—значит—писателю отстать, значит—не понимать своего класса, значит—**не быть** пролетарским писателем. Прошу принять меня во Всесоюзную коммунистическую партию».

Вот достойный ответ подлинно-пролетарских писателей на те уныния и разброд, которые наблюдаются в некоторых писательских кругах.

И. ЖИГА.

Меньшевизм в литературоведении

Широкий интерес советской и партийной общественности к полемике вокруг так называемой «школы Переверзева» не случаен. Ученики Переверзева все еще—и после статей в «Правде»—пытаются изобразить дело так, как будто вопрос идет об отдельных чисто литературоведческих ошибках «популярного профессора». Между тем, дело идет о борьбе с типично-меньшевистской концепцией, свившей свое гнездо в нашей литературной науке.

К каким бы демагогическим приемам полемики не прибегали безупречные рыцари переверзианской школы, им не удастся замазать основных пороков методологии Переверзева: вульгарного экономического материализма, не понимающего специфики **развития** и относительной самостоятельности надстроек; преклонения перед «стихийностью» экономического процесса, при непонимании роли политической и идеологической классовой борьбы; пассивного созерцательства в отношении к литературной жизни; упрощенчества и схематизма, чуждого духу диалектики.

В самом деле, Переверзев пишет: «Что значит, что система образов социально детерминирована с марксистской точки зрения? Это значит, что она детерминирована системой производства. Закономерность образной системы определяется закономерностями производственного процесса. Ведь мы материалисты, и ни на секунду мы не должны упускать из виду того, что мы материалисты. Нет никаких других определяющих факторов, которые в какой-либо мере могли бы изменить закономерность систем художественных образов, кроме одного единственного фактора—производственного процесса» (С. Ф. Переверзев «Вопросы марксистского литературоведения»—«Родной язык и лит. в труд. школе» № 1, 1928 г., стр. 86).

В цитированной же статье прямо утверждается, что между «рядами» общественного процесса нет причинной связи (стр. 92). Этим снимается вопрос о влиянии на литературу политической борьбы, т.-е. высшей формы классовой борьбы. Переверзев прямо пишет на той же странице: «Политическая жизнь ничего не может создать в образной системе литературы».

Об'ясняя творчество Достоевского, Переверзев никак не связывает его с напряженной борьбой классов его времени, а говорит, в сущности, о борьбе отдельных мелких буржуа за свою честь, за власть, за право на жизнь. Между тем, мелкобуржуазная интеллигенция эпохи Достоевского вела классовую борьбу во всех областях жизни, выдвинув из своей лучшей части Чернышевского, Желябова, Нечаева, Решетникова, Гл. Успенского, передвижников, связывая свою судьбу с судьбой крестьянства. Часть же этой мелкой буржуазии боролась за свои неправильно понятые классовые интересы на реакционных позициях, поддаваясь влиянию реакционного дворянства. У Переверзева вне классовой борьбы стоит Гоголь, вне ее стоит Гончаров. Недаром Переверзев в ответе Тимофееву (см. № 2 «Л. и М.» за 1929 г. и в статье о Достоевском, в книге «Искусство и общественность») сводит вопрос о влиянии в 80 гг. Достоевского, идеолога реакционной мелкой буржуазии, к вопросу только об интенсивном развитии буржуазных отношений в России, да к росту упадочного мещанства в пределах третьего сословия, минуя вопрос о соотношении классовых сил в России, в политической жизни России. Классовая борьба, видимая Переверзевым, во всяком случае, никогда не возвышается до борьбы за власть, до борьбы политической, до борьбы, организованной классами, ставшими классами **для себя.**

Недаром Беспалову пришлось искать ясную цитату о классовой борьбе в заброшенной в малораспространенном сборнике статье Переверзева о Достоевском, **не включенной** в 3 издание «Творчество Достоевского» 1928 г., куда вошла разобранная Либединским меньшевистская статья 1922 года. Но что же и в этой статье нашел столь хороший начетчик в Переверзеве Беспалов. Цитату такого содержания: «Стиль—это общественный класс, его развитие — лишь форма классового развития, борьба стилей—форма классовой борьбы, смена доминирующих стилей — смена господствующих классов».

Это единственное четкое высказывание Переверзева о связи эволюции литературы с борьбой классов достаточно ли? Оно достаточно с точки зрения системы Переверзева, утверждающего непосредственную определенность литературы «производством», «взаимодействием» общества и природы и «производственным процессом» («Литература и Марксизм» № 1, 1929 г., стр. 9, 11, 12; «Л. и М.» № 2, 1929 г., стр. 27,28). При этом все ряды единого процесса уравниваются тем пониманием их взаимоотношения, что «изменения, происходящие в одном ряду процесса, соотносительно повторяются в других рядах. Но именно поэтому изменения одного ряда ни в какой мере не об'ясняются ссылкой на взаимодействие с другим рядом, в котором происходит то же самое изменение. Соотношение данного явления по разным рядам единого социального процесса ровно ничего не говорит о возникновении самого изменения, о причинах его, а значит, не дает его об'яснения, его научного понимания» («Л. и М.» № 1, стр. 8). Все надстройки равно близки к базе и равно непосредственно определены ею. «Вот почему из любой надстройки можно «вычитывать базис», из политических учреждений, из юридических норм, из общественных теорий и из художественных образов» (ib. 15), а «факты литературные... **столь же внятно** говорят о «базисе», как и законодательные акты, или политические события, или хозяйственные факты» (ib. 16). Далее отсюда следует замечание о невлиянии на Гоголя крушений экономических событий его времени, приведших к декабрьскому восстанию, но якобы никак не повлиявших на «базис» творчества Гоголя — «разрушающийся мелкопоместный класс» (ib. 17). Это совсем не похоже на утверждение Энгельса в письме к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 года, что в отношении, например, философии экономика влияет по большей части лишь косвенным образом, «так как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения», на утверждение того же Энгельса в письме к Штаркенбургу от 25 января 1894 г.: «чем **дальше** будет удаляться **от экономической** та область, которую мы исследуем, чем **больше** она **приближается к чисто абстрактно идеологической,** тем больше будем мы находить, что она в своем развитии обнаруживает больше случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая» (подчеркнуто мной. **Г. Г.**) Из такого понимания различия близости надстроек к базису и их влияния друг на друга (а также на базис, см. хотя бы письмо Энгельса к Блоху от 21 октября 1890 г.) вытекает пятичленная формула Плеханова, а не теория Переверзева о всеобщем равномерном отражении базиса, которым у Переверзева является в теории «единый процесс функционирования общества в природе» («Л. и М.» № 1), «взаимодействие человека с природой» (ib.), а на практике экономика, взятая «вне классовой борьбы».

Проблема классовой борьбы, как борьбы в конечном счете всегда политической, т.-е. борьбы за власть, и истории, как борьбы классов в этом смысле, совсем не понята Переверзевым. Для него не существует и вопроса о классе в себе и классе для себя. Его борьба классов в лучшем лишь стихийно-экономическая борьба и вытеснение класса классом в хозяйстве, без всякой политики и сознательной организации. Недаром Переверзев договорился до независимости производственного процесса от воли людей, до того, что этот процесс есть стихийное движение материи. (Р. яз. в шк. № 1, 1928 г., стр. 84). С такой диалектикой не понять ни утверждения Энгельса, что ложные понятия о природе были одной из причин отсталости первобытного хозяйства, ни статьи Ленина о Суханове, ни смысла борьбы за выполнение пятилетнего плана.

Естественно, что Переверзев не понял того, что стиль (литературный, этический и иной) является **психологическим результатом** борьбы за существование, т.-е. в классовом обществе **классовой борьбой** и что противоречие, порожденное классовой борьбой, является формующим принципом (см. плехановский пример из статьи «Об искусстве»—«неверие было делом хорошего тона, а оно стало таковым **единственно** только в силу противоречия, **единственно** только, как реакция против пуританства (подчеркнутое мной. **Г. Г.**). Значит мало сказать стиль—это класс, а борьба стилей—форма классовой борьбы, а нужно еще понять и провести через свои работы то положение, что сам стиль данного класса есть результат классовой борьбы и междуклассовых влияний.

В чем же суть ошибки Переверзева?

Энгельс пишет: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является **единственной активной причиной,** а остальное является лишь пассивными факторами. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце концов проявится. Государство, напр., оказывает влияние при помощи покровительственных пошлин, свободы торговли, хорошего или дурного состояния финансов» (Штаркенбургу 25 января 1894 г.).

Энгельс же пишет, что важнейшее действие на философию оказывает политика, право, мораль.

В чем разница между Переверзевым и Энгельсом? Оба, как будто, признают основною или первою причиной развитие производительных сил (Переверзев обычно говорит более неопределенно — производство, производственный процесс и т. д.); оба признают взаимодействие всех порожденных первой причиной рядов общественного процесса. Но Переверзев, «помолившись» старой фразе на взаимодействие, ниже его в расчет не принимает, считает все ряды равно близкими основе, в одинаково-точной степени ее отражающими, и считает возможным выводить все детали своей далеко от экономики отстоящей области прямо из «производства». Об этом мы уже говорили выше, приводя примеры. Часто Переверзев (см. цитату из «Р. яз. в школе») и вообще забывает упомянуть о взаимодействии. На практике он с «взаимодействием» не считается.

Энгельс и Маркс настолько ясно отдавали себе отчет в сложности взаимодействующих причинных связей между сторонами общественного процесса, в своеобразии закономерности развития каждого ряда, в разнице степеней относительной самостоятельности и близости к экономике этих рядов, что позволяют себе писать невероятные, с точки зрения Фохтов и Гельфандов, вещи:

«Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, об'яснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время, или об'яснить экономически происхождение верхне-немецких изменений гласных, которое разделяет Германию (в отношении диалекта) на две половины». (Энгельс Блоху, 21 сент. 1890 г.).

«Низкое экономическое развитие доисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия, и даже в качестве причины, ложные представления о природе» (ib.).

Из отношения Переверзева к взаимодействию следует, помимо вульгаризации марксизма, преклонение перед стихией экономического развития, фатализм, отрицание роли сознания.

Плеханов выводил окраску творчества Пушкина 30-х годов, его «презрение к черни», его равнодушие к общественной пользе и злобе дня из политического положения Пушкина и подобных ему в николаевской жандармской России. Ленин считал решающим внесение выработанного интеллигенцией политического сознания в стихийное движение рабочих («Что делать» и «Детская болезнь левизны»); Ленин же издевался над экономистами, пытавшимися «теоретически обосновать свое раболепство и преклонение перед стихийностью». («Что делать», т. IV, стр. 387).

Это относится к переверзевцам, с их новоявленным экономическим фатализмом.

Если настоящие ученики Маркса и Энгельса—Плеханов и Ленин, придавали решающее значение политической (т.-е. классовой) борьбе в вопросах формирования идеологии и в том числе литературы, то Переверзев, как мы уже показали, сделал аполитичными своего Гоголя и Достоевского. Переверзев, не понимая, как не понимал Суханов, значения политики, как относительно самостоятельного фактора, нигде не учитывает ее влияния на литературу, наоборот, он считает, что политические воззрения Достоевского, его позиция в политической борьбе относится к вопросу о личности писателя, и никак не к его творчеству. (Творч. Дост., 210—211). Чудовищные выводы сделал на своего непонимания значения политики Переверзев в статье о социальном заказе в «Печати и Революция» (№ 1, 1929 года).

По мнению Переверзева, никакое политическое влияние диктаторствующего пролетариата и его гегемонии в жизни страны не может заставить (путем идеологически - политического воспитания и воздействия) непролетарских писателей «петь» нужные и полезные пролетариату «песни». Попутчикам можно либо запретить «петь» («дать приказ молчать»), либо разрешить петь безвредные пустяки, коим «грош цена». Нужные нам песни поют лишь те, у кого от природы соответственно устроено горло, т.-е., очевидно, пролетарские (последовательно сказать, — обязательно по происхождению пролетарские) поэты. Чудовищная теория! Она означает **под флагом левой фразы** меньшевистский отказ от воздействия рабочего класса на мелкобуржуазные и крестьянские группы, отказ от борьбы за влияние на попутчиков, за гегемонию пролетарской литературы. Так как никто не станет «запрещать» попутнической литературы, то эта теория означает отказ от литературной политики или «политику» «Кузницы»: пусть «попутчики» пишут что хотят, всем им — и Замятину, и конструктивистам, и Тихонову — одна цена; мы будем «творить» из своих «рабочих» недр рабочую литературу, а попутчиков печатать для поддержки своих альманахов без всякого разбора! Полный фатализм теории Переверзева исключает сознательное воздействие на литературу.

Что за дело Переверзеву до идеологического воздействия на попутчиков или политического воспитания политписателей, если, по его мнению, «вдохновение есть голос класса, звучащий через всю сферу подсознания... вся та подсознательная сфера психики, которая властно определяет собой творческий процесс, часто даже вопреки сознательным усилиям человека... вся она есть не что иное, как голос класса, звучащий в индивидууме, от которого никуда нельзя уйти.

Это принижение роли сознательного, вульгаризаторски фаталистическое сведение всей идеологии к выявлению элементарных психических навыков, полученных в быту, характерно для Переверзева. На этом основании весь его анализ философии героев Достоевского, сводящий типично «шестидесятнические» теории Раскольникова, Верховенского, Ив. Карамазова к психике «падающего мелкого буржуа», неизвестно какой эпохи.

Переверзев отрицает, как указал тов. Щукин, литературу, как образное выражение идей (в том числе и философских и политических), а поэтому он «выводит» философию Ив. Карамазова, Раскольникова, Кириллова из внутреннего развития в этих образах инстинктивного поведения и чувств «падающего мещанина», а не из развития философской мысли, усвоенной и переработанной Достоевским, как идеологом своей общественной группы и своего времени.

Естественно, что при таком «экономистском» отношении к политике Переверзев еще презрительнее относится к активности всякой другой идеологии. Ясно, что ему не кажется серьезной задача изучать литературу, как фактор. Какой уж там фактор, когда все определяется экономикой! Поэтому идея, как **понимание** образов, «совсем не существенна для исследователя художественной литературы». («Л. и М.», № 2, стр. 13). К литературоведению не имеет отношение чье бы то ни было понимание образов, «чье бы оно ни было: критика, читателя произведения или его автора — безразлично». (ib.). Литература, очевидно, развивается независимо от того, как последующие писатели понимали предыдущих.

Понятно, что при фаталистически-презрительном отношении к роли идеологии и политики Переверзев совершенно по-магометански или по-толстовски относится к роли личности писателя в создании литературного лица эпохи.

Если для Маркса «ускорение и замедление (истории, общего хода развития. **Г. Г.**) в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения» (Маркс Кугельману, 17 апреля 1871 г.), то Переверзев считает, что в литературном факте **ничего** нельзя об'яснить, исходя из биографии писателя. (Р. яз. в шк., № 1, 1928 г., стр. 88).

Художник, по-Переверзеву, «не властен выйти из стиля». (Л. и М., № 2, стр. 20), «потому что никто не властен выйти из детерминированного круга образов. Именно потому, что всякий писатель вращается в заколдованном круге образов, всем произведениям писателя свойственен общий характер, все они образуют единый стиль, единое творчество».

При таком фатализме зачем нужны писательские организации, поиски стиля современных пролетписателей, споры о творческих платформах, система воздействия на писателей, самообразования и воспитания их, РАПП, МАПП, споры Беспалова с Либединским. Все предопределено не только для эпох, групп, организаций, но и для людей.

Смертный, силе, нас пнетущей,
Покоряйся и терпи.
Мертвый, в гробе мирно спи,
Жизнью пользуйся живущий.

Неужели товарищи-коммунисты, вышедшие в свет через переверзевскую школу, не понимают, **против кого** в литературоведении, при современном положении на литературном фронте, должны быть обращены гневные реплики «Что делать» Ленина, обрушенные в свое время на головы переверзевцев в рабочем движении 90-х годов — экономистов:

«**Всякое** преклонение перед стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли сознательного элемента, роли социал-демократии, **означает** тем самым—**совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий, или нет,—усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих.** (Подчеркнуто Лениным). Все, кто толкует о переоценке идеологии, о преувеличении роли сознательного элемента и т. п., воображает, что чисто рабочее движение само по себе может выработать и вырабатывает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие вырвали из рук руководителей свою судьбу. Но это глубокая ошибка». (Т. IV, 390).

Понимают ли, кстати, Беспалов и Гельфанд, что меньшевик познается в теории именно по непониманию роли политического, идеологического, организационно-партийного факторов в истории, по слепому преклонению перед экономикой, по неспособности понять идеи «Что делать» и заметки о книге Суханова? Тов. Щукин правильно поставил вопрос: «Марксизм, ленинизм или Переверзев»?

Потому-то и находятся в таком затруднении критики-коммунисты — ученики Переверзева. Их коммунистическая совесть практиков приходит в противоречие с меньшевистской теорией и методологией их учителя. Досадно только, что это противоречие они открыто признают лишь под давлением «Правды», то, РАПП. Типичное примиренчество к чуждому политически, социально и теоретически влиянию, так долго господствовавшему в ученых и учебных литературоведческих учреждениях столицы СССР.

Г. ГОРБАЧЕВ.

К порядку дня

Себя отдавая
Прокатному цеху,
Программе колхозов,
Валансу и домне —
Мы знаем: летит индустрийное эхо
За наши кордоны...

Мы знаем и помним,
Что каждым движением
Нашей руки
Пускаем страну,
Как пускают станки!

Сбирались,
За сутки условясь.
Всплывал над столицей рассвет.
Зарницы вмерзали на совесть
В московский бетонный хребет...

Семьсот молодых
С запевалой,
Тревожа сонливый квартал,
Шагали
На помощь вокзалу —
Освобождать вокзал.

Деревня,
Кряхтя в бездорожьи,
Республику помня,
Забросив «авось»,
Гнала за обозом — обоз
С картошкой, пшеницей и рожью.

И слякоть счищая с онучей,
Роняла раздумья свои:
Ну, вот—полегчает,
И лучше
Задышим, родные мои.

Мы делали дело простое;
Легчал за вагоном вагон,
Работал без перебоев,
Без простоев
Район.

Трясли пропыленную тару,
Зерно наливали в нее.
За десять губерний
Татары
Ловили дыханье мое!

Соседка, вся в капельках пота,
Стосильным упорством гордясь:
— Мне нравится
Наша работа,
И я голосую
За нас!

Сквозь песню ветра,
Сквозь морозы
Нам надо итти впереди
За этот
Стремительный лозунг,
За это
Дыханье в груди!

НИК. СИДОРЕНКО.

ПИСАТЕЛЬ—В КРАСНУЮ КАЗАРМУ

Поможем красноармейскому литературному молодняку

При журнале «Красноармеец и Краснофлотец» работает с 1928 г. московское об'единение красноармейских писателей. В об'единение вошел актив литкружков московских частей (около 25 человек): красноармейцы, курсанты, командиры, политработники—начинающие красноармейские писатели.

Общая установка и задачи об'единения красноармейских писателей—направить творчество членов организации по руслу социалистического строительства, укрепления обороны страны и боеспособности Красной армии.

Об'единение проводит свою работу в Центральном доме Красной армии. Красноармейские писатели собираются в ЦДКА еженедельно по субботам, где проводят в литгруппе лабораторную работу — читку и коллективный разбор своих произведений. Кроме того, об'единение занимается вопросами теоретической учебы.

Об'единение начинающих красноармейских писателей не замкнулось в узкую группу,—в частях московского гарнизона оно устраивает литературно-творческие вечера с докладами о красноармейском творчестве и выступлениями красноармейских писателей и поэтов с чтением своих произведений.

Об'единение красноармейских писателей поддерживает связь с другими литорганизациями—МАПП и с «Кузницей». Эта связь выражается в эпизодических посещениях писателей собраний об'единения в ЦДКА. В течение последнего года было проведено 7 таких выступлений писателей. На этих собраниях обсуждалось творчество того или иного писателя.

* * *

ФОСП до сих пор уделял мало внимания об'единению красноармейских писателей. Литорганизации, кроме индивидуальных посещений писателей собраний об'единения в ЦДКА (и то довольно редких), не связались еще должным образом с красноармейскими писателями.

Помимо об'единения красноармейских писателей, мы имеем литературный молодняк при частях московского гарнизона. При всех этих воинских частях организовано всего 5—6 литкружков. Хотя этим кружкам известную помощь оказывает об'единение, но в общем, красноармейские литкружки находятся без должной помощи и руководства. Кружки не имеют руководителей. 5—6 красноармейских литературных кружков ни коим образом не могут охватить весь имеющийся в частях литературный молодняк.

Федерация и все литорганизации должны оказать конкретную помощь и содействие как об'единению красноармейских писателей, так и литкружкам при частях.

Писатель должен пойти в Красную казарму, так же как он едет сейчас на фабрики, заводы и в колхозы. Красноармейская масса ждет художественных произведений, отображающих жизнь РККА.

Писатель—в красную казарму!

КР—ОВ.

Вмешательство Наполеона

Вильгельм Газенклевер является, пожалуй, талантливейшим из современных германских драматургов. Совсем еще мальчиком он выдвинулся в первые ряды экспрессионистской драматургии своей яркой драмой «Сын». С тех пор, до последнего своего произведения, о котором у нас пойдет речь, Газенклевер постоянно привлекал к себе внимание публики не только немецкой, но и европейской.

Отношение Газенклевера к окружающему миру достаточно революционное. Одно время он был даже близок к коммунистической партии и коммунистическому мировоззрению. Это, впрочем, продолжалось недолго.

В Газенклевере очень много типичной интеллигентщины — той самой, верховным жрецом которой является Ромэн Роллан. У этой интеллигентщины есть свои основные черты, и Газенклевер им в большинстве случаев верен. Одной из этих черт является как раз наклонность к разного рода выдумкам, моральным парадоксам, оригинальничанью. Все это проделывается Газенклевером с достаточным блеском, но часто делает его пьесы для нас, например, совершенно неприемлемыми.

Некоторые из очень хороших произведений Газенклевера так и не попали на русскую сцену. Все же Газенклевера играют у нас много и часто,—однако, в переделках.

Ни один немецкий драматург (кроме, пожалуй, Толлера, менее талантливого, но кое в чем напоминающего Газенклевера) не пользовался у нас таким успехом. Московские зрители помнят «Антигону» в Камерном театре, «Браки заключаются в небесах»—эта пьеса шла в двух театрах и в двух переделках,—и шедшую также в двух театрах и в двух переделках пьесу, которая в оригинале называется «Настоящий барин». (Ein besserer Herr).

Предпоследняя пьеса Газенклевера написана им в сотрудничестве с Толлером. К этому сотрудничеству привлечен был и еще один весьма известный комедиограф, а именно, некто Жан-Батист Мольер.

Однако, несмотря на то, что пьеса эта написана такими авторами, а разыграна была лучшим комиком Берлина—Палленбергом, под руководством попавшего в моду московского А. Грановского,—все же она провалилась довольно жалким образом, и я не думаю, чтобы кому-нибудь в Москве захотелось ставить эту перегруженную всяким остроумием и внешними комическими эффектами переработку «Мещанина во дворянстве».

Другое дело последняя пьеса Газенклевера «Вмешательство Наполеона». Я не хочу предсказывать, будет ли эта пьеса поставлена на наших сценах, будет ли она переделана *) или взята так, как дал ее автор, и какой успех будет она иметь.

Для меня пьеса эта интересна другими своими сторонами, как замечательный образчик идейного состояния и творческих приемов лучшей части европейской интеллигенции, одним из выразителей которой совершенно несомненно является Газенклевер.

Прежде всего надо отметить, что в этой пьесе Газенклевер поднимается на такую высоту замысла, композиции и фактуры, какой он еще никогда не достигал. Пьеса, несомненно, блестяща, талантлива. В ней мы имеем соединение очень забавного и хорошо найденного сценического трюка с несколько сомнительной, но несомненно крупной политической мыслью и интересными психологическими ситуациями. Притом она вся сплошь усеяна блестками парадоксов и диалог местами достигает изумительной грации и напряженности.

Расскажем содержание пьесы. Она начинается в паноптикуме, в музее восковых фигур. Зал, в котором мы находимся, заставлен знаменитостями прошлого. Здесь стоит Наполеон, убийца многих женщин—Ландрю, стоят (или предполагаются стоящими за кулисами) Штреземан, Муссолини, президент французской республики, президент американской республики и т. д.

Равнодушный чичероне водит экскурсию и дает ей пошловатые об'яснения по поводу всего выставленного. Две девушки отстают от экскурсии и сравнивают Наполеона и Ландрю между собой, приходя к выводу, что Ландрю, как несомненно страстная натура, волнующая героической преступностью, стоит гораздо выше Наполеона, о котором они имеют весьма смутное представление.

Когда зал пустеет, Наполеон и Ландрю оживают. Между ними происходит превосходный разговор, в котором Наполеон выражает свою досаду по поводу забвения, в которое он впадает. Ландрю дает ему множество разумных советов и сентенций, острых самым своим благоразумием. Это немножечко разговор Дон-Кихота и Санчо-Пансо.

Наполеон стремится во что бы то ни стало в Париж, ему хочется еще пожить. Кроме того, волнует усиление Америки и возможность полного подчинения ей Европы.

Ландрю предупреждает Наполеона, что, кроме очень больших неприятностей, он ничего не получит в современном Париже, однако соглашается помочь ему в этой авантюре. Прежде всего надо одеть Наполеона. Для этого снимают штаны с куклы—Муссолини, сюртук со Штреземана и т. д., при чем это комическое переодевание сопровождается множеством остроумных выходок.

Переодетый Наполеон отправляется прямо в Пале-Рояль, где в его времена было хорошее кафе, беспрепятственно заходит в одну из зал второго этажа и требует себе рюмку вермута.

Между тем, в больших залах Пале-Рояля заседает мировая конференция, а в тех аппартаментах, куда проник Наполеон, представитель Америки, мистер Моррис, устраивает закрытый чай, на котором он желает скорейшим способом сломить сопротивление лиц, руководящих делегациями различных стран.

Этот Моррис—еще молодой человек, полный энергии, обладающий колоссальным капиталом и доверием столь же колоссальных капиталистов. Он сторонник насильственного навязывания Европе идей Европейских соединенных штатов. При этих условиях разрушен будет весь военно-государственный аппарат отдельных держав, и Европа, в коммерческом и финансовом отношении давно уже уступившая первенство Америке, тем беспрепятственнее превратится в ее вассала и займется под ее руководством мирными идеями промышленности и спекуляции.

Но внутренние нелады различных держав и старый европейский дух ставят бесконечные препятствия планам Соединенных Штатов на одной конференции за другой.

В тот день, когда Наполеон вышел из паноптикума, Моррис, пригласив вождей конференции на чай, на котором царит его роскошная, на сумасшедшие средства содержимая им любовница—актриса Жозефина де-Лерм, решается поставить перед ними ребром вопрос о подчинении воле американского капитала и подстраивает такой трюк, чтобы как раз в решающий момент пришли известия о падении на американской бирже всех европейских ценностей, Моррис заявляет, в связи с этим, что дальнейшее сопротивление Европы вызовет Соединенные Штаты на отказ Европе в кредитах.

Наполеон в своем неуклюжем сборном костюме приходит еще до начала собрания. Следует несколько отменно комических сцен между ним и лакеями.

Затем он присутствует, сидя в стороне и принимаемый за представителя большевиков, при самой конференции, и когда видит, как трусливо поджав хвосты идут под высокую руку Америки европейские дипломаты, то вдруг вмешивается с невероятной решимостью в разговор, говорит с героическим пафосом, утверждает примат войны над дипломатией и спекуляцией, грозит боевым столкновением не на жизнь, а на смерть между старой Европой и Соединенными Штатами.

Эти патетические речи вызывают больше скандала, чем действительного эффекта. Вмешательство Наполеона не изменило политической ситуации, но этот короткий, полный человек, со смуглым лицом, со сверкающими глазами, энергичным жестом, повелительными словами и локоном волос по большому бледному лбу произвел чрезвычайно сильное впечатление на две талантливые натуры из присутствовавших на конференции—на самого мистера Морриса и на его любовницу Жозефину де-Лерм.

Жозефина де-Лерм приглашает Наполеона к себе на вечер, прося его притти во фраке.

Следующая сцена начинается телефонным разговором, который Жозефина ведет со своей подругой, уже лежа в постели. Она пикантно рассказывает о своих впечатлениях, о том, что сильно взволновавший ее незнакомец так и не явился. В промежутке между последующими сценами идут все время куски этого разговора, что придает своеобразный, грациозный цинизм всему происходящему.

Дело в том, что Наполеон является среди ночи. С обычной своей резкой манерой ему удается пулей проникнуть до самой спальни «барыни». Он об'ясняет, что не мог притти раньше, так как никакого фрака у него нет. Вообще из бурного разговора между ним и Жозефиной выясняется для нас, что это какой-то странный человек без роду и племени, без кола и двора, нечто вроде проходимца или, может быть, преступника.

Наполеон, разумеется, тщательно сохраняет свою парадоксальную тайну, он делает только темные намеки на то, кто он такой.

Легкомысленная актриса, для которой любовь—совершенно пустяки, ничего не имеет против того, чтобы пошалить с этой столь яркой и ни на кого не похожей личностью, и несмотря на предупреждение Наполеона, что человек он серьезный и тяжелый, несмотря на несколько превосходно намеченных намеков на сходство Жозефины де-Лерм с Жозефиной Богарнэ, — она заманивает его в свои шелковые сети и награждает Наполеона кратковременным счастьем.

На другое утро Наполеон, надевший пижаму мистера Морриса, с обычной своей сухой и горячей серьезностью заявляет Жозефине, что он решил жениться на ней. Жозефина приходит в комический ужас. Но тут является Моррис. Происходит давно примелькавшаяся, захватанная, но в данном случае очень искусно сделанная сцена встречи двух соперников.

Дело, однако, в том, что Моррис также восхитился Наполеоном и будучи янки весьма решительным и быстрым в проведении своих решений —ищет его по всему городу, чтобы предложить ему пост начальника всеевропейской милиции. Ведь ясно, что Европа не может больше иметь армии для внешних войн,—но она должна иметь вооруженную силу для преодоления возможной революции.

Итак, Наполеону будет дана высокая должность с огромным жалованием и т. д. Это заставляет Жозефину решиться на брак с ним, и она об'являет о своем новом выводе самому Моррису. Моррис ничего особенного против этого не име

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

Об одной хулиганской выходке

В № 1 журнала «Молодая Гвардия» за этот год помещено 5 новых стихотворений **Иосифа Уткина.** Стихи эти много хуже тех, которые он писал раньше. Причина этого, на мой взгляд, лежит в том, что прежние стихи Уткина были органичны для него, а эти подогнаны под то, что Уткину и его плохим друзьям и критикам кажется «выдержанной идеологией». В прежних своих стихах Уткин органически выражал собственную свою природу—природу идущей с пролетариатом (со срывами, с ошибками, с недопониманием) революционной и в революции передельвающейся мелкой буржуазии. В новых своих стихах, внутренне оставшись тем, кем он был и кто он есть, Уткин пытается однако **выдать себя за другого**—за уже переделавшегося, уже перешедшего на рельсы пролетарской идеологии. Но в художественном творчестве никого, кроме самого себя и отдельных простачков, обмануть нельзя. И действительно: стихи плохи. Нужно обладать плохим вкусом, чтобы написать:

...И в черном трико
Балансирует дым
Над трубами,
Над трудом...

Нужно плохо знать русский язык, чтобы написать:

Он видит соседа:
Один на один,
Он кроет чудовищный бак.
И потом здоровья
Облил сатин
Рубаху его—на рубах.

Нужно быть политически очень наивным, чтобы думать, что неприязнь к старому царскому строю (смотри стихи «Проблема хлебопашена» и «Босая правда») и есть верх революционной идеологии в период **социалистической** реконструкции страны и ликвидации кулачества как класса.

Но даже не эти качества стихов Иосифа Уткина понуждают меня писать настоящую заметку. Понуждает меня то, что, в то время как стихи Уткина стали плохими, претензии его невероятно выросли.

Известно, что в свое время «Молодая Гвардия» напечатала политически ошибочный рассказ **Артема Веселого** «Босая правда». Известно, что ЦК партии **осудил** эту серьезную ошибку Артема Веселого. Известно, что коммунистическая критика вскрыла содержание и корни этой ошибки Артема Веселого. Известно, наконец, что сам Артем Веселый **признал свою ошибку.** Не будет вреда, если кто-либо еще и еще раз пролетарски раскритикует эту ошибку. Но ничего, кроме **желания выслужиться, нельзя об'яснить** помещенный в «Молодой Гвардии» стихотворный **ответ Иосифа Уткина на «Босую правду»**—ответ, в котором Артему Веселому приписывается ни больше ни меньше, как **желание вернуть старый царский строй и «дворянскую плоть»**,—ответ, который кончается следующим хулиганским выпадом:

Так вот:
если требуя
Долг с Октября,
Ты (т.-е. Артем Веселый. **А. Ф.**)
требуешь графских прав—
Мы вскинем винты
И шлепнем тебя,
Рабоче-крестьянский граф.

Иосиф Уткин, расстреливающий Артема Веселого в стране пролетарской диктатуры, это очень... очень смешно, если кто понимает! Но революционного в этом ничего нет—это просто неумно.

Иосиф Уткин пытается в последнее время выступать застрельщиком в борьбе с формализмом и эстетством в поэзии. Благое намерение. Но чтобы хоть кого-нибудь повести за собой, надо самому писать умнее и честнее, чем получается. Хорошо было бы, если бы Уткин поосидел, подумал над этим.

А. ФАДЕЕВ.

За чистоту критического оружия

Пролетарская литература, выросшая, окрепшая, вступает в период теоретических и практических споров о творческом методе. Этот факт может и должен радовать нас, так как при всех обстоятельствах, при всех возможных издержках эти споры обогатят нас. Необходим и полезен полемический задор. Но всем нам надо зорко следить за тем, чтобы **полемический задор не превращался в полемический вздор.** Есть вещи совершенно недопустимые. Нужно избавить спор от всех посторонних примесей, от всех политиканствующих позорных наскоков.

Привожу длинную цитату из № 23 журнала «На литпосту», номера, в котором подавляющее большинство статей представляет собой нападение налево: на противников метода психологического реализма в литературе, на ТРАМ в театре, на Эрмлера в кино; номера, в котором в сотый раз (как от лозунга «обогащайтесь!») отрекаются от лозунга «назад ко МХАТу», отрекаются напрасно, ибо убедить кого-либо налитпостовцы не могут... В **редакционной** статье «Мечты тов. Беспалова и действительность» находим следующее потрясающее по своему великолепию место:

«Тов. Беспалову, очевидно, скучно в среде современной пролетлитературы. Он мечтает о пролетписателе остроумном, утонченном и блестящем, как Гейне, Вольтер и Франс. Но действительность часто смеется над мечтами. Мечты т. Беспалова не считаются с тем, что в современной литературе нет ни одного прозаика, творчество которого в какой бы то ни было степени соответствовало его чаяниям. Утешим тов. Беспалова. Л. Д. Троцкому сейчас делать нечего. Когда он возьмется за свои мемуары, то он, блестящий стилист и эффектный фразер, мастер сопоставлений и сравнений, любящий писать не только о себе, но и о своих собаках, даст ироническую картину «перерождающегося Советского Союза». Правда, его мемуары и письма будут пародией на фельетоны и письма Гейне..., но что делать, все-таки именно Троцкий рискует оказаться единственным писателем, который «примет к руководству» творческий циркуляр т. Беспалова. Мы не сомневаемся, что т. Беспалов гневно будет отрекщиваться от такого своеобразного творческого **«троцкизма»** (!!!). Но ведь мы лишь указали ту дальнюю дорогу, куда об'ективно **ведут мечты** т. Беспалова». Пусть тысячу раз простят меня, приношу миллион извинений общественности и редакции «На литпосту», но это иначе не может быть квалифицировано, как чудовищная глупость и как позорный способ полемики.

Тов. Беспалов утверждает, что можно пользоваться творческим методом Вольтера, Франса и Гейне, а не только методом Толстого. И в ответ ему преподносят блестящий силлогизм, долженствующий убить **всех** противников метода психологического реализма. Что же? Разберем его, разберем, чтобы показать, до чего можно дойти в смысле полемического вздора, и чтобы понять, какие способы полемики надо просто **запрещать,** чтобы не позорить важное и нужное дело.

Ход рассуждений статьи «На литпосту» целиком совпадает с построением силлогизма, вздорность которого не нуждается в об'яснении:

1. Дикари украшают себя перьями.
2. Дамы украшают себя перьями.
3. Следовательно, **дамы... дикари.**

Точно следуя этим полемическим заветам, редакция «На литпосту» говорит с воодушевлением:

1. Тов. Беспалов **пропагандирует** метод Гейне.
2. Л. Д. Троцкий **будет писать** методом Гейне.
3. Следовательно т. Беспалов—троцкист.

Комментарии излишни. Дикость!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

О фельетонисте Ковинько и шантеклере—Куриц

В борьбе с бюрократизмом, с извращением советской линии, классовой политики партии, порой с грубым игнорированием всякой общественности, с пьянкой, круговой порукой, ведущей к полному отрыву и разложению отдельных работников и нередко руководящих органов, с самоотвержением, не покладая рук, подставляя свою грудь пуле обреза, пройдя мучительный путь травли и непонимания, борется рядовой советский журналист.

Таким является герой настоящей статьи товарищ Ковинько.

Олександр Ковинько, полтавский фельетонист, украинец, сын батрака, молодой писатель, общественный работник, инструктор Осоавиахима Полтавского округа и журналист, работает в местной газете.

Олександр Ковинько пишет юморески. Юморески звучат симпатично, Ковинько чувствует тонкость украинского языка, фельетоны его читаются очень широко,—он как бы Остап Вишня в (пока) полтавском масштабе. Юморески и фельетоны—прекрасная вещь, если никого не задевают. Но у Ковинько зубы выросли на своем месте, глаза (с украинской хитрецой) тоже открытые и видно, что совесть у него тоже не в пятках находится.

И вот—фельетоны товарища Ковинько вдруг становятся неприятными. В Осоавиахиме округа творятся нелады. Руководство занимается не тем, чем полагается. Например, на средства Осоавиахима делают частную прогулку влиятельные полтавцы под руководством руководителя Окр. Осоавиахима тов. Куриц. (Частное катанье на аэроплане «Авро»). Вот этот Куриц возомнил себя победоносным шантеклером и...

И Ковинько (чорт бы его) собственного начальника посмел разоблачать—этакий нелисциплинированный инструктор Куриц был обижен не на шутку,—мобилизовал силы, хотел заставить Ковинько опровергнуть фельетон. Но Ковинько это не мог сделать, ибо фельетон его является регистрацией фактов, а факты опровергнуть трудно.

Выездная комиссия ЦКК КП(б)У рассмотрела дело, и факты оказались фактами. Куриц сняли и послали на другую работу... Но остались на месте обиженные и сильные его друзья.

В Полтавском окруде и прокуратуре открылся гнойник (вскрыла окончательно чистка), но первоначальное прощупывание этого гнойничка—тоже дело Ковинько.

Вскрытие неслыханного безобразия в полтавском ЦРК тоже связано с фамилией Ковинько (правда, здесь участвует брат комсомолец—рабкор).

Ковинько не постеснялся разоблачить подхалима и плагиатора Ковальчука—влиятельного секретаря местной газеты.

Очевидно то, что разрешено Михаилу Кольцову, Заславскому, Рыклину, Зоричу и другим в Москве,—то не проходит даром «местным фельетонистам», фельетонистам провинций: Ковинько в один прекрасный день был низвергнут с пьедестала разоблачителя и сам—«разоблачен».

Постановлением местной секции печати тов. Ковинько был вычищен из членов союза, как бывший петлюровец. И придраться не к чему. Правда, факт—тов. Ковинько **«служил» в рядах** петлюровской армии.

Говорят, трудно разбираться в «украинской действительности»... Я не разделяю этого взгляда. Быть бывшим петлюровцем, это верно, плохая заслуга перед пролетарской революцией, но у нас есть такие критерии: кто из трудящихся переходит к нам от чужих и искренно признает все свои проступки, того мы можем включить в свою семью и перевоспитывая сделать полезным членом социалистического советского государства.

В 1919 году тов. О. Ковинько, будучи семнадцатилетним крестьянским парнем, бежав от Деникина, три месяца служил в рядах петлюровского повстанческого полка. Ковинько был рядовым, почти мальчишкой. Когда он (и многие другие украинцы) убедились в том, что Симон Петлюра и его армия есть не что иное, как украинская керенщина, офицерский и бандитский сброд, то покинули петлюровщину и перешли в ряды Красной армии.

Товарищ Ковинько об этом неоднократно **сам писал** в печати и выступал против петлюровцев перед крестьянской аудиторией. Широкий его авторитет перед селянской массой округа много **сделал** в пользу советской власти.

И вот... **не могли иначе, так вспомнили** эту Ахиллесову пяту и **свалили врага...** Врага бюрократизма, подхалимства, разложения и преступлений—советского фельетониста Ковинько парализовали.

И ходит сейчас этот Ковинько затравленный и униженный. Напрасно пишут о нем фельетоны (о фельетонисте!) в «Красной Звезде» (№ 1.478—тов. С. Смирнова), в харьковском «Пролетарии» (10 ноября 29 г.). Напрасно подтверждаются факты фельетонов Ковинько в «постановлении ЦКК КП(б)У о делах полтавского окруда и прокуратуры».—Ковинько ошельмован, но те же полтавские газеты считают лучше «не заниматься делом личной реабилитации».

А мне кажется, что советская общественность должна диктовать бережное обращение с переловыми бойцами нашей печати и пред'явить свое требование в отношении немедленной реабилитации фельетониста О. Ковинько.

МАТЭ ЗАЛКА.

Пятилетие журнала „30 дней"

В начале января в издательстве «ЗИФ» состоялось расширенное редакционное собеседование, посвященное пятилетию журнала **«30 дней»** и дальнейшим путям его развития

Тов. Ионов (отв. редактор) сделал краткое сообщение о журнале, отметив, что **«30 дней»** быстро откликаются на все крупнейшие политические события и дают популярные материалы о пятилетке.

Тов. Регинин (зав. редакцией) в своем докладе коснулся эволюции журнала за 5 **лет существования** как в отношении содержания, **так и оформления.** Тираж журнала [illegible] до [illegible]

Тов. Луначарский в своей речи особенно внимательно остановился на значении **«30 дней», как массового журнала.** Журнал своими статьями, очерками и рассказами выполняет весьма ответственную задачу вовлечения широких слоев читателей в круг интересов нашего строительства, очередных задач пятилетки.

В прениях выступили т.т. И. Бачелис, С. Буданцев, А. Жаров, Л. Леонов, Г. Никифоров. **А.** Новиков-Прибой и др. На собрании было зачитано **приветствие в стихах Демьяна Бедного.**

Как мы работаем

Работа с книгой на заводе

(АМО)

Есть чем похвастать

В библиотеке по стенам щиты с выставленными книжками о пятилетке, о соцсоревновании, по автомобильному делу, по обработке металлов и специальный щит—новинки этой недели. На прилавке разложены книги преимущественно современных авторов: Караваевой, Шолохова, Леонова, Огнева, Ремарка и др. Очередь перед прилавком небольшая. Несмотря на обильную посещаемость (не меньше 120 человек в день), каждый рабочий ждет не более 5—7 минут. С каждым посетителем сотрудники библиотеки внимательно беседуют, стараясь узнать, какая именно область его интересует, и рекомендуют книги.

Большинство просят «чего-нибудь новенького». Нарасхват идут Шолохов, Панферов, Ремарк, Хашек, Барбюс. Неизменно читается Горький. Классики, в особенности Толстой и Гюго, также пользуются большой популярностью. Несмотря на большой спрос, книг хватает. Даже на требование наиболее ходкой сейчас на заводе книги — «Тихий Дон» Шолохова—редко отвечают отказом.

По части художественной литературы библиотека АМО может похвастаться прекрасным подбором книг.

Наибольшее количество экземпляров падает на книги современных авторов. Затем идут классики, как русские, так и иностранные. Таких авторов, как: Малашкин, Уэдсли, Локк, вы там не найдете.

По цехам завода «АМО» организовано одиннадцать библиотек-передвижек, в распоряжении которых имеется и беллетристика, и технические книги. Кроме того, постоянно устраиваются различного рода беседы, литературные вечера и литературные викторины, к которым рекомендуется читать те или иные книги. В большинстве случаев вечера бывают приурочены к каким-нибудь кампаниям. Большим недостатком в работе библиотеки является то, что она **не обслуживает ночной смены.** Ночных передвижек также нет.

С.

Опыт рабочей критики

Литературно-художественный отдел Госиздата РСФСР организовал на московском заводе АМО литературный вечер, посвященный разбору выдающихся художественных произведений западно-европейских писателей, отобразивших в своем творчестве империалистическую войну 1914—18 гг.

Знакомя русских читателей с иностранной литературой, литературно-художественный отдел хотел бы услышать оценку этой литературы из уст массового читателя.

К сожалению, на вечере было очень мало присутствующих, так как в то же время по цехам заводам шла чистка парт'ячеек и большинство рабочих было там. О мнении рабочих читателей можно было судить, главным образом, по стенгазете, выпущенной специально к этому вечеру с отзывами о книгах: Ремарка «На западном фронте без перемен, и Барбюса «В огне». Эти же произведения разбирались на вечере.

Тема об империалистической войне актуальна и ныне. Неудивительно поэтому, что книги, говорящие на эту тему, привлекли большое внимание рабочих. Предметом обсуждения являлась, главным образом, книга Ремарка. Здесь особенно важно подчеркнуть, что ее обсуждали сами участники войны, те, о ком рассказывала книга. И не офицеры, не привилегированные военные, а те «нижние чины», та «серая скотинка», которую империалисты всех стран посылали на убой за интересы кучки капиталистов. Никто лучше бывших солдат—участников военных действий—не может оценить книги, рисующей войну. И они прекрасно видят все достоинства и недостатки таких книг. Все ораторы и авторы статей о Ремарке говорят о яркой и правдивой передаче картин войны, о том, что книга заставляет переживать вновь все ужасы и гадости окопной жизни. И все единогласно подчеркивают главный недостаток автора: «Ремарк не показывает, что надо делать, чтобы впредь избежать таких войн». «Прочитав «На западе без перемен», начинаешь еще больше ненавидеть империалистическую войну. Читая ее, мы видим, что не об'явить войну войне невозможно. Но наши мысли переросли Ремарка. Он обрушивается только на войну, на бессмысленное убивание людьми друг друга и не видит, что война есть лишь следствие. Причина же, которую не видит или не хочет видеть автор, скрывается в самом капиталистическом строе. Автор недосказывает, чем все должно кончиться, так мы доскажем за него: война империалистической войне! Война капитализму! Слушай, Ремарк! Мы строим социализм, и мы за то, чтобы больше не было империалистических войн».

Считая главным недостатком Ремарка отсутствие логического вывода, недосказанность, рабочие отмечали еще ряд недостатков в отрицании отношений между людьми на фронте. «Автор вовсе не показывает взаимоотношений между командным составом и ее нижними чинами. Ничего не говорит о бессмысленных жестокостях офицеров. А разве мало можно рассказывать об этом?» В этом отношении Ремарку противопоставляют «В огне» Барбюса. Но о Барбюсе вообще говорят мало. «Он все правильно описывает, что же о нем разговаривать? — рассуждают критики. А вот о Ремарке поговорить интересно. Пишет он хорошо, слов нет. А самое главное упустил. Ведь самое главное в книге—вывод». «Для нас «На западном фронте без перемен» — хорошая, интересная книга, но не боевая. За границей она будет нужнее чем у нас, так как там массы недоросли еще и до такого понимания войны. Нам же нужны другие книги, рисующие империалистическую войну полностью со всеми логическими выводами. А таких произведений у нас еще нет. Мы даем это задание нашим пролетарским писателям и надеемся, что они выполнят его».

О. АФАНАСЬЕВА.

Соревнуются

Между библиотеками «АМО» и «Динамо» заключен договор на соцсоревнование.

В договоре основными пунктами стоит: Увеличить количество читателей до 70 проц. и к концу пятилетки довести до 100 проц.

Ликвидировать всякие очереди, охватить малограмотных и учащихся в школах ликбеза.

Организовать два литературных кружка—один творческий и один рецензентский и периодически помещать материал в своей газете.

Вечер творчества писателей „Кузницы"

На днях ЦБВ был проведен в клубе Наркомзема большой творческий вечер «Кузницы». Чтению литературных произведений предшествовал обширный доклад т. Иоселя о писателях—кузнецах. Этот доклад, на ряду с исчерпывающими характеристиками отдельных писателей, дал также яркое представление о разногласиях «Кузницы» с другими писательскими группировками. Необходимо заметить, что полемическая часть доклада была заострена главным образом против РАПП.

— РАПП не прав, — говорит докладчик,—касаясь различия основных мировоззрений у старшего так называемого «предпролетариата» и у пролетариата наших дней. Тысячу раз не прав т. **Ермилов.** Никакой борьбы между молодым и старым поколением у нас не происходит.

— Жизнь, — заметает далее докладчик,—заработала паспорт кузнецам на звание действительно пролетарских писателей. Формирование нового человека—основная задача «Кузницы»

Затем, переходя к критикам «Кузницы», докладчик находит, что критика несправедливо приписала всем без исключения кузнецам космизм, в то время как в рядах «Кузницы» находятся такие бодрые, отнюдь не зараженные космизмом, писатели, как **Обрадович, Полетаев, Александровский.** Докладчик называет ряд произведений («У фонаря», «Доменная печь», «Мать», «Цемент»), иллюстрирующих его мысль, что кузнецы дают в своих произведениях углубленный показ социальной революции, революционную романтику, без которой невозможен пафос строительства.

— Вы видите, — говорит докладчик, —нового человека не только в декларациях кузнецов, но и в их произведениях. Сращенность с рабочей средой—основная черта писателей «Кузницы».

Большое количество поданных записок свидетельствовало о глубоком интересе, возбужденном среди слушателей докладом т. Иоселя. С ответом на одну из записок, оценивавшую Левинсона («Разгром» Фадеева), как нового советского человека, выступил т. **Ф. Березовский.**

— Фадеев несомненно талантлив, — сказал т. Березовский.—Сейчас он идет на поводу у Толстого, но нет никакого сомнения, что он влияние Толстого преодолеет. Тем не менее я должен категорически заявить, что никакого рождения нового человека в «Разгроме» нет. Левинсон—мягкотелый интеллигентик, Гамлет, размышляющий о том «быть или не быть» революции.

В литературной части вечера т. Ф. Березовский мастерски прочел отрывок из повести «Мать». Затем выступил с циклом стихотворений **В. Казин**—«Мой отец», «Рубанок» и пр. **Н. Н. Ляшко** прочел сказку «Губошлеп». Большой и заслуженный успех пожал **С. Обрадович,** прочитавший стихи «Ночь», «О молодости», при чем особенно хорошо было встречено аудиторией второе. Вечер был закончен рассказом **Н. И. Москвина** «Девять минут».

ТИПОГРАФ.

Улучшим социальную помощь писателю

На собрании актива московского отделения литфонда

Вопрос о материально-правовом положении писателя до сих пор еще не разрешен. Некоторые финансовые советские организации квалифицируют почему-то социальное положение писателя—как кустаря. Социальное страхование на писателя не распространяется. Он не может получить пособия по безработице, по болезни, полагающийся всем рабочим и служащим отпуск.

Единственной организацией, оказывающей практическую помощь нуждающимся писателям, является Литфонд РСФСР, организованный в 1927 году при ФОСП. Государственная субсидия Литфонду за последние три года (1927—30 гг.) составляла 270.000 рублей. На эти средства Литфонд развернул большую работу. Лечебной помощью было обслужено около 500 писателей выдано около 1.000 ссуд на 80.000 рублей.

30 января, в клубе ФОСП правление литературного фонда РСФСР отчитывалось в своей работе на московском активе писателей—членов Литфонда.

Председатель Литфонда РСФСР **М. Алексеев** во вступительном слове осветил 3 задачи литфонда и перспективы его дальнейшей работы.

— В первый период своей деятельности Литфонд ограничивался только выдачей ссуд и пособий, — говорит в своем хозяйственном отчете о работе Литфонда т. **А. Богданов.** — Не было плана работы. Были ограничены средства. Ссуду мог получить только обеспеченный писатель, который имел возможность достать гарантию под ссуду от издательства.

С конца прошлого года Литфонд сделал основную установку на обслуживание писательского молодняка. В нынешнем году правительством отпущена Литфонду субсидия в 100.000 рублей. Из бюджета Литфонда на 1929—30 гг. в 161.000 рублей выделено 60.000 рублей на выдачу ссуд писателям, 6.000 рублей на безвозвратные пособия и 15.000 рублей на стипендии литературному молодняку.

Если в прошлом году Литфондом РСФСР было израсходовано на лечебную помощь около 10.000 рублей, то в текущем бюджетном году Литфонд выделил на лечебную помощь 22.000 рублей. В первую очередь лечебная помощь оказывается материально необеспеченным писателям, хотя при этом учитывается и литературная их значимость.

— Литфонд должен являться действительно литературной организацией,—указывает в своем содокладе т. **А. Пестюхин.** — Его задача втянуть в свои ряды широкие писательские массы.

В октябре 1929 года Литфонд охватил по Москве 565 членов (вместо 248 в 1928 году). Отделения Литфонда РСФСР имеются в Ленинграде, Ново-сибирске и Ростове, в которых состоят 295 писателей. К 1 февраля закончена перерегистрация членов Литфонда, во время которой отсеяны случайные люди, не имеющие права быть в Литфонде.

К сожалению, верхушки литорганизаций еще не состоят в Литфонде. Многие писатели приходят в Литфонд, когда им нужна та или иная материальная помощь. Нет еще активного участия писательской общественности во всех областях работы Литфонда. Основная причина — это изолированность Литфонда от писательских масс. Литфонд еще не стал подлинно широкой литературной организацией.

Со стороны ряда учреждений наблюдается косное отношение к Литфонду РСФСР. **Наркомпрос и Главискусство задерживают полагающееся нам ассигнование. Выдача Литфонду 50.000 рублей вместо 1 января отсрочена до марта.** Ненормальны взаимоотношения Литфонда и с ЦЕКУБУ. Политика ЦЕКУБУ в отношении предоставления курортных мест писателям крайне расплывчата и носит нетерпимый характер.

Тов. Беляев демонстрировал интересные материалы о заболеваемости и бытовых условиях жизни писателей.

Вся работа Литфонда подвергнулась широкой самокритике писателей.

Представитель ленинградского отделения Литфонда РСФСР т. **Михайлов** указывает, что у них плохо обстояло с лечебной помощью писателю. Отделением Литфонда не было получено достаточно средств. После приезда представителей Литфонда в Ленинград мы договорились о регулярной помощи и содействии в нашей работе. Сейчас в ленинградском отд. Литфонда после чистки его состава имеется 208 писателей.

— Литфонд РСФСР не оказывает помощи писателям в нацрайонах, — заявляет т. **Галяу.** — В Москве живет много нацписателей, но их не знают. Они не состоят членами Литфонда. Литфонд РСФСР должен обратить на это серьезное внимание. В наших национальных центрах есть значительные писательские кадры. Там необходимо организовать отделения Литфонда РСФСР.

— Многие писатели желают состоять членами Литфонда, но не всегда могут войти в Литфонд. Наша задача вовлечь в Литфонд этих одиночек-писателей, которые стоят в стороне от соцстроительства,—говорит т. **Струве.**

— Писатели живут в тяжелых жилищных условиях. Особенно трудно приходится писательскому молодняку. Литфонд должен нам оказать еще больше внимания,—указывает т. **Иванова.**

Выступавшие в прениях писатели (тт. Морской, Ильина, Жданов и др.) отметили вдумчивое отношение Литфонда к писателю. Указывалась необходимость скорейшего разрешения вопроса о социальном страховании писателей. Литфонд должен подумать о постройке Дома творчества писателя.

Тов. **М. Алексеев** в заключительном слове отметил большую активность писателей на первом расширенном собрании членов Литфонда. Из 60 присутствующих на собрании актива, в прениях по отчету Литфонда высказалось 18 человек. Все указания товарищей и актив Литфонда,—говорит. т. Алексеев,—будут использованы правлением Литфонда в его повседневной работе. Литфонд должен стать широкой общественной писательской организацией.

Собрание московского актива Литфонда одобрило основную общественную линию его работы. Литфонд должен и впредь практиковать проработку основных вопросов своей деятельности совместно с активом писателей.

Будет усилена связь центрального правления Литфонда РСФСР с его отделениями и литорганизациями. В конце текущего года намечено созвать расширенный актив Литфонда в общереспубликанском масштабе. Литфонд РСФСР должен широко обслужить и втянуть в свои ряды нацписателей.

При аппарате Литфонда РСФСР решено создать особую комиссию по массовой работе для устройства диспутов, вечеров и концертов в пользу Литфонда. Проектируется также постройка Дома творчества писателей.

А. К.

ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

МАПП.

На отчете районного сокольнического кружка «Закал» отмечена слабость организации низовых кружков и предложено в ближайшее время сорганизовать кружки при клубе коммунальников, при клубе КОР и при заводе «Красный Богатырь». Постановлено **об'явить выговор в печати т. Уральскому за срыв работы** на «Красном Богатыре».

ИТОГИ ЧИСТКИ КРУЖКА «УДАР».

Постановлено об'явить выговор в печати активу кружка: тт. Тарасенкову, Райкову, Македонову, Рубановичу, несущим ответственность за развал кружка.

Часть кружка, как чуждый элемент и творческий балласт, исключена. Часть прикреплена к низовым и часть к районным кружкам.

МЕСЯЧНИК РАППОВСКОЙ ПЕРИОДИКИ.

С 5 февраля постановлено провести по всем кружкам и ассоциациям МАПП месячник раппповской периодики (журналы «Рост», «Октябрь» и «На литпосту»).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ.

Через центральное бюро выступлений Федерации советских писателей организованы выступления писателей.

3 февраля, в 21 час., в клубе «Студенческий городок» (Стромынка, 18) вечер встречи с ленинградскими студентами; выступает поэт **П. Г. Антокольский.**

4 февраля, в 20 час. в 21 школе «Красная Пресня» (Новослободская, 60) выступают тт. **Безыменский, Пеньковский и Рахилло.**

В тот же день, в 20 час., в клубе горкома художников «Изо» (Ильинка, Ветошный пер., пом. 278) вечер конструктивистов: тт. **Агапов, Адуев, Инбер, Луговской.**

6 февраля, в 21 час., в Доме работников просвещения Пролетарского района (Б. Коммунистическая, 9) вечер книги. Выступают тт. **Жаров и Зозуля.**

7 февраля, в 21 час., в клубе ВТС (Варварка) литвечер, на котором доклад о современных литературных течениях сделает т. **Лежнев.** После доклада выступление писателей.

Розовый парус

Первый раз с Михаилом Поликарповым случилось это, когда ему было четырнадцать лет от роду.

Всю ночь промаялся он рядом со своими братьями и сестрами, лежа на ворохе лохмотьев, брошенных прямо на пол. Заклеенное марлей окошко не давало прохлады. Дети метались и хныкали, не просыпаясь.

— Ох, горе, горе!—стонала бабушка на самом краю постели.

Потом она поднялась, сняла с головы платок и заколебала над внуками душный воздух.

Голубая лампа горела ясно, как луна в полнолунье. Розовая бабушкина рубаха была расстегнута. Бабушкины груди висели, как две пустые и помятые фляги. Целая связка иконок брякала на худой шее.

Блаженно вздыхая, дети поворачивались, распластывая голые тела под бабушкиным немудреным опахалом, распространяющим обманчивую прохладу.

Немытые Степкины ноги лежали прямо на Веркиной груди. Конец Веркиной косы щекотал Зинкино ухо, Зинкина стриженая голова упиралась в Яшкин тугой живот.

И скорчась, спала Антонина отдельно от всех на сундуке, ставшем для нее коротким.

Истощенная годами подушка колола Михаила перьями. Забравшийся с вечера комар трубил, не переставая, как добросовестный наемный трубач. Рядом в спальне мать Михаила, призывая господа, плакала над головавым Ванюшкой обчным во всю мочь.

Измучившись, бабушка вытащила тряпье из-под детей и пошла с ним во двор. Волоча свой тюфяк прямо по земле, Михаил последовал за нею. Мягкая прохладная пыль была сладостна его босым ногам. Где-то близко квакали лягушки. Собака гремела цепью. Навозный смрад разливался по воздуху. Сапожник-сосед сжигал «шкуратки» в печке, сложенной прямо посредине двора. Так он старался с'экономить на вывозке мусора.

Хозяин с хозяйкой спали под акацией, головой к ее высокому стволу. Чертыхаясь, они прихлопывали комаров на своем теле.

Бабушка разложила одеяла на покатой крыше погреба, врытого в землю. Михаил лег, и она подоткнула простыню под его бока и плечи. Звездное небо раскинулось над Михаилом. Драгоценная прохлада коснулась его воспаленных век. Истомленное тело понемногу в сладком забытьи, как бы отчаливая от берега в легкой и зыбкой лодке.

Но вдруг охнув, Михаил вскочил с постели. Огромный комар трепетал на его лбу. Михаил ударил его ладонью, смешав кровь насекомого со своей.

Дети, которых бабушка уже перетащила на крышу, плакали, не в силах терпеть укусы. Титовна возилась под акацией, смазывая тело керосином.

Комары пищали, звенели, гудели и били в бубцы, как армянская зурна в праздник.

На улице, за забором, пьяный Галена пел песню. Прерываемая икотой песня, была похожа на те звуки, которые издает больной ангиной, когда полощет горло борным раствором. Кузьменко катался вокруг квартала на извозчике вместе с шарманкой. Шарманка взвизгивала и хрипела, точно ее душили...

Охая и вздыхая, бабушка потащила детей опять в комнату. Так она носилась с ними всю ночь, как кошка с котятами.

Выбившись из сил, Михаил заснул, когда небо повернулось к нему другим боком.

Его сон был глубок и целителен, как лекарство. Утром он открыл глаза с таким чувством, как-будто что-то необычайно радостное случилось с ним за ночь.

Сердце толкалось в его груди полными и горячими толчками. Необ'яснимый восторг ширил грудь, и какая-то сила исходила из всего тела, оставляя его как бы пустым и блаженно легким.

Внезапно он почувствовал, что глаза его стали видеть больше того, что видели раньше, и уши—слышать. Ноздри его раздувались, вдыхая запахи раннего утра: запах самоварного дыма, речной сырости и сорных трав, омытых росою. Пальцы его задвигались сами собою, как бы осязая округлость плывущего по небу облака, шероховатость древесного ствола и нежную гладкость оконных стекол, брызгающих в глаза розовыми лучами. Он ощутил на своем языке вкус меда, сливаемого с сердцевины цветов, и терпкий вкус стручков акации, которые вкладывал в рот, чтобы производить пронзительные звуки, и горечь полыни, растущей у забора.

В недоумении поднялся Михаил с постели. Он увидел Титовну, которая еще спала под деревом, лежа навзничь, и янтарные бусы, которые горели на ее шее, [illegible] свой двор, залитый розовым светом, голубую пыль на дорожках, протоптанных среди бурьяна, стены своей лачуги, выложенные из желтой глины, как из чистого золота, и благоухающие цветы наутели, распустившейся за ночь.

Белые, розовые, лиловые и синие цветы тянулись вверх по серебряным ниточкам, натянутым вокруг домика, как струны, и раскывались, подобно маленьким граммофонным трубам. Казались, они изливали из себя музыкальные мелодии. Торжественные марши и нежные вальсы звучали в воздухе.

Михаил вытянулся во весь рост на самом высоком краю крыши.

Теперь он видел далеко кругом себя. Круглый неровный бугор начинался сейчас же за забором. Роса блестела на зеленых листьях лопуха. Лиловые шары репейника важно торчали среди золотистых колючек. Куриная слепота цвела коричневыми кувшинчиками. Стрекозиные крылья переливались радугой. Узкая чистая дорожка бежала вниз под обрыв.

Река кипела нестерпимо сверкающим золотом. Солнце, ликуя, стремительно летело вверх, и белая лодка с розовым парусом, легким и выпуклым, как лепесток цветка, качалась на синих волнах в сиянии наступившего утра.

Потрясенный всей этой красотою, впервые замеченной, Михаил стоял на крыше погреба, в линючих штанах и старой рубахе, которые заменяли ему белье. Сдерживаемый крик восторга клокотал в его горле. Он спрыгнул вниз легким и верным прыжком.

Василий уже умывался возле сарая. Голая его спина, не знающая солнца, была белой до голубизны. Он протягивал вперед руки, обожженные огнем горна, просительным жестом, и Куля лила на них воду щедрой сверкающей струей. Золотистые колечки его рыжеватой бороды были унизаны крупными тяжелыми каплями. Встретив глазами любовную улыбку жены, он взял с ее плеча серое полотенце Михаилу представилось, что отец взял не полотенце. а «цвет», тот самый «цвет», который заволские парни перекладывают с правого плеча девушек на левое, играя с ними на бугре по воскресеньям. «Цвет» был яркий, голубой, весь в зеленых листьях, а лицо у отца—пунцовое от воды и удовольствия. Он мигал глазами, как-будто от стыда, и рот его под золотистыми усами растягивался в виноватую улыбку.

Он стеснялся, что наводит слишком много воды [illegible] не находил в себе силы отказаться [illegible] лишней кружки, хотя [illegible] прикрывал самой тяжелой [illegible] кать тяжелые ведра и подниматься с ними вверх по крутому обрыву.

Бабушка уже совала пучок зажженных лучинок в самоварную трубу, но Михаил не стал дожидаться чаю. Он открыл калитку и вышел на улицу. Улица была узкая и покатая, как гора. Женщины в косынках, с пустыми корзинками поднимались вверх к базару. Мужчины бежали вниз. Заводской гудок выл, как голодный пес, задравший морду. Сажа летала кругом, как хлопья черного снега.

Анютка Кузьменко стояла у ворот своей лачуги и колотила кулаком в запертую калитку. Нескольких пуговиц нехватало на ее платье. Розовая ее шляпка была надета задом наперед. Наложенные вчера впотьмах румяна розовыми пятнами лежали на щеках.

Михаил быстро сбежал с бугра по тропинке. Тут он услышал знакомые булькающие звуки. Он глянул вверх и увидел Галену.

Галена стоял на самом краю обрыва. Его полуголое тело казалось огромным на фоне просторного неба. Запрокинув голову и дугой выгнув спину, он выливал в рот остатки водки. Донышко бутылки упиралось прямо в облака. Казалось, что Галена трубит, как трубач в час сбора.

Михаил ловко свистнул. Сын конторщика, сын сторожа с наплавного моста и сын фармацевта из заводской аптеки тотчас очутились рядом. Женька Лакрицкий прибежал в новенькой белой матроске. В ее пышном напуске на животе Женьки лежали краденые у матери котлеты. Васька Петров, широкоплечий, как взрослый парень, притащил великолепно приладенные рыболовные снасти, и Витька Слуцкий показал изделия баночку с сухим подом.

Сам Михаил пришел с пустыми руками, но он принес друзьям свою голову, разгоряченную планами, одним другого чудеснее.

Они уселись на груде железных полос, валявшихся у стены завода. Ржавый якорь торчал рядом. Сквозь звенья широкой цепи пробивались колючки. Угольная пыль осела на сорных травах. Рядом шипела паровая мельница. Грузчики корежились под тяжестью мешков с мукою. Огромный бак с нефтью белел, как круглое здание цирка, обтянутого парусиной.

Женька, Васька и Витька не сводили немигающих глаз с Михаила, который излагал перед ними свои проекты.

ЛЮБОВЬ КОПЫЛОВА.

Примечание. Это—глава из повести «Первое стихотворение», печатаемой в № 1 журнала «Октябрь».

Театр и кино

„Коварство и любовь"

Театр им. Вахтангова

«Коварство и любовь»—самый яркий образец социальной драмы, созданной поколением поэтов «бури и натиска».

Эта цитата, взятая из работы покойного В. Фриче о Шиллере, предусмотрительно поставлена в

По поводу статьи „Без руля и без ветрил"

1. Помещенная в № 4 «Литературной газеты» статья Е. Бражнева-Трифонова состоит из двух частей: попытки «теоретически» «разгромить» творческие позиции ряда крупнейших пролет-писателей (и вообще руководящей группы РАПП) и политической оценки работы всей организации.

Первая часть статьи настолько беспринципна, что лишает возможности вести с автором какие либо споры.

Часть вторая представляет собой клеветнические по существу и хулиганские по форме политические обвинения, направленные по адресу всей организации и отдельных ее руководителей. (Утверждение, что основные, «закаленные» кадры пролет-литературы находятся далеко от РАПП'а, что около РАПП'а прикармливаются «классово-чуждые элементы», что РАПП'у свойственен «крайний оппортунизм», что «руководство РАПП'а—именуемое «капитанами с Тверского бульвара»—плывет без руля и без ветрил, черная бортом мутную волну беспринципности и дает «крен на правый борт» и т. д.).

2. Выдавая все это за «критику» и выступая по существу не только против организации, в которой он состоит, но и против той политической оценки работы этой организации (см., например, статью редакции «Правды» № 284), Бражнев разоблачает самого себя и показывает, что идеологические срывы, выразившиеся в его творчестве в виде великодержавного шовинизма («В дыму костров»), отнюдь не случайны. Е. Бражнев, неоднократно и безрезультатно привлекавшийся Ростовским АПП к активной работе в организации и ни разу не выступавший с критикой недостатков ее работы (хотя у него была полная возможность), счел наиболее правильным для себя вступить на путь оклеветания организации и ее руководства. Этим самым он обнаружил склонность порвать те последние связи, которые его с организацией связывают.

3. Фракция секретариата РАПП полагает, что дальнейшее пребывание Е. Бражнева в организации возможно лишь в том случае, если он осудит свое клеветническое выступление.

4. Фракция секретариата РАПП выражает крайнее недоумение по поводу того, что редакция «Литературной газеты» поместила, хотя бы и в дискуссионном отделе, статью Е. Бражнева.

ФРАКЦИЯ СЕКРЕТАРИАТА РАПП

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция, поместив в № 4 от 27 января в дискуссионном порядке статью т. Бражнева-Трифонова «Без руля и без ветрил», оговаривает свое несогласие со статьей в целом и считает особенно недопустимым то место, где о ряде проверенных и положительно себя зарекомендовавших пролетарских писателей, говорится—«и прикармливаются около РАПП'а они, не взирая на свою классово-чуждую природу...» и т. д.

Краеведческий книжный магазин

Кто только не писал о роли и значении краеведения? Максим Горький, авторитетные академики, педагоги, политические деятели. Однако, даже в Москве почти не было ни одного книжного магазина, который бы специально собирал литературу по данному вопросу. Больше того, основные магазины не держат краеведческую книгу в силу ее малой рентабельности.

Такой взгляд не отвечает действительному положению вещей. Спрос на краеведческую книгу растет, и наша общественность должна всемерно помочь действительному продвижению столь нужной литературы и широкому читателю.

Краеведческой книгой интересуются академии, вузы и школы, исключительный интерес проявляет заграница, а отношение к деятельности единственного работника в этой области вызывает серьезные опасения. Еще несколько лет назад, по инициативе Н. О. Фреймана, при магазине № 8 издательства «Работник Просвещения» был открыт отдел краеведения. Отдел имел свою постоянную клиентуру, твердых заказчиков. Но по предложению торготдела издательства, все книги по краеведению, в связи с ликвидацией данного магазина, были переданы в другие руки, где отдел быстро захирел. Больше года продолжались настойчивые попытки вновь создать этот отдел. Велись переговоры с различными книготоргующими организациями, делались всевозможнейшие предложения и, наконец, несколько месяцев назад в магазине № 1 того же издательства «Работник Просвещения» краеведческий отдел был организован.

В настоящее время краеведческое собрание этого магазина является единственным в Москве. И нам кажется, что и краеведческие общества (а их в СССР около 200), и издательства, и советская общественность, заинтересованные в его развитии, должны всячески помочь укреплению и росту этого собрания, представляющего широкий общественный интерес и действительно необходимого в наших условиях.

Б. Киреев.

Лекции для рабочих

На московских фабриках и заводах во время обеденного перерыва литовской областной кинопоно-электроонной базой МОНО проводятся лекции для рабочих. Цена лекции—6 р. 40 к. Темы лекций (ориентировочно): новинки пролетарской литературы; новинки крестьянской литературы; рабочий класс и строительство; деревня в современной литературе и т. д.

Адрес базы: Москворецкая, 11, МОНО, тел. 3-27-70.

Книги и люди

Чеховиана

Чехов—в полосе юбилейных дат. В июле было отмечено 25-летие со дня его смерти, **30 января исполнилось 70-летие рождения,** а в марте—полвека со дня появления его первой новеллы.

«Юбилейный» Чехов, усилиями современной критики показан «без грима». Правдивый облик подлинного—живого художника.

Очень кстати вышла первая часть огромного труда И. Ф. Масанова, занесшего в свою «Чеховиану» 2.765 названий книг, журнальных и газетных статей о Чехове. О нем любили говорить, что его «как первую любовь, России сердце не забудет».

Тютчевские эти слова оправданы в полной мере. Но о Чехове очень много писали не только в России: на 13 году Октябрьской революции критическая литература СССР пополняется работами, посвященными Чехову. Только теперь это Чехов без легенды. Легенды о нем рассеяны. Кто поверит теперь сказке о чеховской безнадежности? Кто повторит теперь такую банальность: «Чехов, певец русской интеллигенции, заражен таким же злом пессимизма, каким болели его хмурые люди». Знак равенства, который еще так недавно ставился между Чеховым и «чеховщиной», стерт.

Усиленно велась борьба и против другого «возвышающего обмана», развивалась и другая легенда, которую думали подставить взамен «низкой истины». Легенда, утверждающая едва ли не стопроцентную революционность Чехова. Если за чеховщиной не увидели Чехова, то теперь мы склонны перегнуть палку в другую сторону: художника, смело разоблачающего мещанство во всех его видах, писателя, горьким смехом посмеивающегося над пошлостью пошлого человека, называют революционером, приписывают ему едва ли не марксистское миросозерцание, уверяют в его близости к рабочему классу, в его горячих симпатиях к делу освобождения рабочего класса. Все это, конечно, следует отнести за счет «юбилейной» преувеличенности. Да, Чехов не был пытником, не был «мрачным человеком», но основным его миросозерцанием все же была медицинская, точнее биологическая точка зрения. Чехов знал, что поколения, вышедшие в жизнь в сумерки, осознанно больно разъедаемы сомнениями, колебаниями, ренегатством. Но причины этой болезни ему были не ясны. Изучая биологию и ею пытаясь объяснить падение своих Ивановых и Лесских, Чехов миновал **социологию.** Он вне ее концепций.

Он оптимист, но его идеал будущего туманен. Это прекрасные города, красивые площади, изящные фонтаны. Это праведники, которыми только и держится мир. Это — жизнь невообразимо прекрасная, через 200—300 лет. Жизнь прекрасная и непременно, обязательно—изящная!

«Россия страна казенная»,—сказал Чехов.—Нельзя точнее и злее определить существо той царской России, в затхлой атмосфере восьмидесятых-девяностых годов которой он жил и писал. Поэтому—быт,—быт «жареного гуся и пуховой перины» ему отвратителен, ненавистен. Это быт, пригодный лишь для «людей в футлярах», для тех чинуш, вроде классического Чимши-Гималайского, который наслаждается крыжовником—кислым, жестким, отвратительным, но крыжовником из **собственного** сада! Грешная, тупая, злая жизнь.

И когда думаешь об идеалах Чехова, который не может быть понят вне своего социального оптимизма, — рисуешь всегда одну картину:

Осенний день. Близок закат. Солнце играет на стволах белых и стройных березок. Тишина. Воздух свеж, но дыхание тления неотвратимо, и мечатель, растворяющийся в этой блеклой умирающей красоте, осеннего дня, говорит:

«Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь». (Тузенбах—«Три сестры»).

И в этом весь Чехов.

ЮРГИС.

Записки селькора *)

Невиданно стремительные темпы социальных сдвигов реконструктивной эпохи определили в качестве одного из основных литературных жанров—очерк.

Очерк обладает способностью быть наиболее подвижным откликом на все происходящее, наиболее ударным художественным оружием классовой борьбы.

Очерки занимают значительное место и на страницах газет и журналов, часто ощутимо тесня другие отделы, и в последнее время особенно обильно выходят отдельными изданиями. И все же состояние современного очерка нельзя считать достаточно удовлетворительным.

В большинстве случаев существующий очерк не проявляет тех своих жанровых возможностей, которые настоятельно необходимы переживаемому этапу социалистического переустройства. Удивление перед мощностью преобразовательного размаха и славословие его,—вот преимущественная установка печатающихся очерков. Удивление и славословие—законны, оправданы. Но они превращаются в свою противоположность, когда ими пользуются без соблюдения меры.

Очерки Н. Кочина—приятное исключение из всей такой очерковой литературы.

Н. Кочин не удивляется и не славословит. Он изучает, внимательно вслушивается, пристально вглядывается в окружающую действительность и сам активно, органически участвует в социалистическом строительстве. Он воспринимает действительность не наивно-реалистически, а диалектико-материалистически. Все это и дает ему возможность развернуть наблюдение во всей изменчивой целостности и полноте, во всех противоречиях, трудностях, искривлениях и достижениях.

В очерках Кочина видим мы и подлинно-новых людей,—заведующего школой второй ступени, превратившего эту школу в рассадник культуры и политического просвещения населения близлежащих деревень, и проныриливых рвачей приспособленцев, использующих карточку безработного для безнаказанной эксплуатации кустаря, звание красноармейца для обогащения и хитро умных братов, скрывающихся под благочестивой внешностью, и темнотой забитого человека. Кочин зарисовывает коллективное строительство, бытовые взаимоотношения, но он не боится показать провал комсомольской кандидатуры на выборах сельсовета и не скрывает мрачных сторон деревенского быта, его консерватизма, силы реакционных представителей зажиточной части крестьянства...

Кочин изображает то, что возбуждает щемящую боль, и то, что вызывает радость.

Все это делает его очерки убедительными и волнующими документами эпохи.

В очерках Н. Кочина нередко можно встретить досадную синтаксическую небрежность, неправильность в строении фраз (он ждал первых заморозков, с которыми приходит спрос на товар, «да только сможет закупить сырье к будущему сезону») и пользование узкоместной лексикой (... кто кого **загублает,** неведомо).

Но эти недостатки не имеют существенного значения. В основном же его очерки своеобразны, ценны и с формальной, и с художественной стороны.

Их автор обладает известной культурой, остроумием, свежим языком и умением интересно рассказывать. Пользование сравнениями и сопоставлениями оживляют очерки. Его герои говорят ярко индивидуальным, запоминающимся языком—бабка, Павел Салов и др.

Совокупность этих достоинств придает очеркам Н. Кочина индивидуальность, живость, строгую конкретность, являющуюся выражением общего и типического и увлекательность.

А. РЕВЯКИН.

*) Николай Кочин. Записки селькора. Издательство «Федерация», 1930 г. Стр. 159. Ц. 90 коп.

Вышли из печати.

КИРИЛЛ ЛЕВИН. Записки из плена. М. «Федерация». 1930. Стр. 304. Ц. 2 р. 20 к. Тир. 5.000.

Записки автора из австрийского плена в годы 1915—1917. Тяжкая лагерная жизнь, голод, эпидемии. Возвращение домой после Октябрьской революции.

ПЕРЕВАЛЬЦЫ. Антология. М. «Федерация». 1930. Стр. 367. Ц. 3 р., переплет 20 к. Тир. 3.000.

Сборник произведений членов содружества писателей революции «Перевал», основанного в 1924 г. Антология включает рассказы А. Малишкина «Поезд на Юг», Б. Губера «Известная Шурка Шапкина», Л. Завалонского «Железный круг», М. Пришвина «Охота за счастьем», отрывок из повести Ив. Катаева «Сердце», отрывок из книги Воронского «За живой и мертвой водой», стихи Семеновского, Зарудина, Эркина и другие произведения перевальцев.

ВЛАД. СЛЕПКОВ. Молодежь и литература. Сборник статей. Л. «Прибой». 1930. Стр. 80. Ц. 25 к. Тир. 10.000.

Статьи комсомольского критика, посвященные произведениям, отражающим быт нашей молодежи («Натка Мичурина» В. Кетлинской, «По ту сторону» Б. Кана, «В дороге» Платошкина, «Дружба» В. Дмитриева и мн. др.), и отдельным литературным явлениям, вызвавшим «наиболее сильную реакцию у рабочей молодежи» (вопрос о вульгаризации в литературе и др.).

С. ВРЖОСЕК. Жизнь и творчество В. Вересаева. Л. «Прибой». 1930. Стр. 227. Ц. 2 р. 25 к. Тир. 3.000.

Задача книги «проследить жизненную эволюцию писателя и «отображение ее в его художественных, публицистических и философских работах». Отдельные главы посвящены биографии Вересаева, вопросам его миросозерцания и вопросам оформления его художественного творчества. В конце—библиография произведений Вересаева и литературы о нем.

И. Ф. МАСАНОВ. Чеховиана. Вводная статья и ред. А. Дермана. М. Выпуск 1. Изд. Государственной центральной книжной палаты РСФСР. 1930. Стр. 119. Ц. 4 р. 75 к. Тир. 1.000.

Систематический указатель литературы о Чехове и его творчестве. Весь материал разбит на отделы: автобиографические данные; детство, гимназические и студенческие годы; первые литературные шаги; жизнь и литературная деятельность и мн. другие. В рамках каждого отдела материал распределен в хронологическо-алфавитной последовательности. В конце приложены алфавитные указатели.

БАСНИ ИВ. БАТРАКА НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Гизом Украины выпущены басни **Ив. Батрака** на украинском языке. Переводчик—**С. Пилипенко.**

Из 41 басни С. Пилипенко перевел 27 наиболее характерных, по мнению переводчика. Книга снабжена статьей «Иван Батрак и его басни». Книга издана под заглавием: «Батракові байки», переклад С. Пилипенко.

Книга содержит 96 страниц, издана в количестве 5.000 экз. Цена—70 коп.

Книги, поступившие на отзыв

ГИЗ.

Ларин, Ю. Алкоголизм и социализм. Стр. 142 к. 95 к.

Скворцов-Степанов. Политический боец. Сборник политических газетных статей. Стр. 239. Ц. 75 к.

Проспер Мериме. Избранные произведения. Баллады, новеллы, критика. Стр. 569. Ц. 2 р. 60 к.

Литературный альманах: **«Удар за ударом».** Под редакцией Безыменского, А. Зайдеман, Р. Восстание камней. Рассказы. Иллюстрация и тексте Лебедева, К. Стр. 251. Ц. 2 р.

Дель-Вайо, Х. А. Красная тропа. Перевод с испанского. Стр. 167. Ц. 90 к.

Демьян Бедный. Тебе, господи! Сборник антирелигиозных произведений. Стр. 361. Ц. 60 к. Переплет 15 к.

«ПРИБОЙ».

Чумандрин, М. Бывший герой. Роман. Стр. 248. Ц. 1 р. 30 к.

Шиловский, В. Матвей Комаров житель города Москвы. Стр. 294. Ц. 2 р. 40 к. Переплет 25 к.

Лернер, Н. Рассказы о Пушкине. Очерки. Стр. 222. Ц. 1 р. 50 к. Переплет 20 к.

Зленков, В. Молодежь и литература. Сборник статей. Стр. 80. Ц. 25 к.

Василенко, К. Другое солнце. Повесть. Стр. 168. Ц. 1 р. 10 к.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ».

Семашко, Н. Наука и религия о здоровье. Стр. 57. Ц. 2 к.

Барта, А. Миша. Повесть. Перевод с немецкого. Стр. 96. Ц. 40 к.

Нечкина, М. Декабристы. Очерк о движении декабристов. Стр. 108. Ц. 90 к.

Овалов, Л. Болтозня. Повесть. Стр. 120. Цена 70 к.

«ФЕДЕРАЦИЯ».

Воронский, А. За живой и мертвой водой. Воспоминания. Книга I. Часть I. Издание II. Стр. 216. Ц. 1 р. 55 к. Переплет 20 коп.

Грин, А. Дорога никуда. Роман. Стр. 390. Ц. 2 р. 60 к. Переплет 20 к.

Венус, Г. Огни Бермудии. Рассказы. Стр. 167. Ц. 1 р. 10 к.

Серпер-Пенский, Поэт и Изабелла. Рассказы. Стр. 245. Ц. 2 р. 10 к. Переплет 20 коп.

Якубовский, Г. Писатели «Кувшина». Статьи. Стр. 226. Ц. 2 р. 50 к.

Ленин, Б. Тихоокеанский дневник. Стр. 222. Ц. 1 р. 85 к.

Громлей, Н. Потомок Гаргантюа. Рассказы. Стр. 267. Ц. 2 р. Переплет 20 к.

Винокур, Г. Культура языка. Очерки по вопросам языка. Издание 2-ое исправленное и дополненное. Стр. 335. Ц. 3 р. 25 к. Переплет 20 к.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

I.

В Московском Доме Печати 23 января происходил диспут о псевдо-советской детской книге, по нашему мнению превратившийся в псевдо-диспут. Склока между отдельными товарищами стерла социально-политическую значимость диспута, превратив его в «семейную драму» детских писателей.

В процессе срыва пытались (Ханин, Штейнберг) плюнуть в лицо и советским педагогам: «.. мы не'ворим педагогам!» и т. п. Очевидно, тт. забыли основную установку Ленина по отношению к вашим педагогам, по отношению к нашему учительству. Установку, которую не может не разделять каждый гражданин нашей республики, уж не говоря о члене партии да еще работнике на культурном фронте.

«Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это истина, не требующая доказательств». (Ленин, т. XVIII, стр. 115).

Представитель Гиза т. Ханин, выступавший одним из первых, подменив большевистскую прямоту беспринципной грубостью, сообщил диспуту развязный, «семейный» тон своими хулиганскими выходками по адресу Барто, Кальма и др. Выступление т. Ханина было явно лживо, ибо, кроме всего прочего, противоречило сводкам своего же издательства, где о Барто и ее книжках даны весьма благоприятные отзывы.

Отнюдь не намереваясь защищать Барто или кого-либо в отдельности, мы выражаем возмущение общим тоном диспута, которому способствовал и президиум, не сумевший создать деловой атмосферы.

Мы требуем организации **настоящего** диспута, на котором деловые, принципиальные выступления не потонули бы в грязном хаосе сведения личных счетов. Мы считаем необходимым организацию более широкого диспута с участием пионер-вожатых, советских учителей и пролетарской общественности.

Вопросы детской литературы достаточно актуальны, чтобы советская общественность уделила им больше сил и внимания.

С комсомольским приветом:

СЕРЕБРЕННИКОВ, С., СВЕРДЛОВ, А., ОСИНСКИЙ, В., БЕЛОВ, В.

II.

Довожу до сведения писателей и библиотекарей, что все произведения, написанные мною и подписанные псевдонимом Д. Туманный, нужно считать принадлежащими **Н. Панову,** каковой фамилией я подписываюсь сейчас и буду подписываться в дальнейшем.

Прошу иногородние газеты и литературные журналы это мое письмо перепечатать.

НИКОЛАЙ ПАНОВ.

III.

Мои две книжки, одна, изданная в Ташкенте, другая—в Москве и несколько сборников были подписаны моей фамилией Т. Е. Сейфуллина. Схожесть моей фамилии с фамилией писательницы Лидии Сейфуллиной создало ряд недоразумений как в быту, так и в прессе. В виду того, что я вошла в литературу позднее Лидии Сейфуллиной, считаю нужным снять свою фамилию Сейфуллина, оставив на моих ранее вышедших книгах, выпускаемых в скорое время, только имя—Лолахан.

ЛОЛАХАН СЕЙФУЛЛИНА.

IV.

В № 21 «Книги и революции» напечатано, что издательство «Земля и Фабрика» выпускает массовое издание моей книги «Днепрострой». Сообщаю: договора на издание этой книги я с ЗИФом не заключал. Мне было в свое время получено от ЗИФа следующее предложение, по прочтении рукописи книги прекратились на самой предварительной стадии. Удешевленное массовое издание «Днепростроя» выпускается харьковским издательством «Пролетарий».

Н. С. ВИГДОРОВИЧ.

V.

1 января в издательство «Крестьянская Газета» явился неизвестный и, отрекомендовавшись поэтом Павлом Вячеславовым, получил причитающийся мне гонорар. 14 января такая история повторилась в «Комсомольской Правде» и «Прожектере». Боюсь и в дальнейшем стать жертвой сторонних людей или подвести издательства под вторичную уплату гонорара его законному владельцу, довожу до сведения, что ни в какой деревне Липовской, Северного округа (кстати, такой деревни нет «произошла» она от Липовской улицы города Великого Устюга, моего последнего места жительства), как уверяет мой предприимчивый двойник, я не живу и свое удостоверение личности могу предъявить всегда.

ПАВЕЛ ВЯЧЕСЛАВОВ.

СМЫЧКА ЖУРНАЛИСТОВ С РАБСЕЛЬКОРАМИ.

В Доме печати 8 февраля будет организован «вечер встречи» московских журналистов с рабселькорами—делегатами первого областного совещания рабселькоров. Вступительное слово на вечере сделает зав. отделом печати МК ВКП(б) т. **Панков.**

10 февраля на общемосковском собрании журналистов выступит с докладом «Ударная задача печати» зав. сектором агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б) т. **Каминский.**

ИЗВЕЩЕНИЯ.

3 февраля:

— **Собрание одиночек членов МАПП,** посвященное выборам на областную конференцию пролетарских писателей, в 18 час., в Доме Горгена. Явка обязательна.

— **Критический вечер «Перевала»,** устраиваемый ВССП, в 20½ ч., в Доме Горгена. Докладчик—А. З. Лежнев. В прениях участвуют: Аемус, О. Брик, А. Воронский, Д. Горбов, К. Зелинский, Н. Лугин, В. Полонский, В. Сутырин и др. Вход свободный.

4 февраля:

— **Очередное занятие детской секции МАПП,** на котором будет заслушана резолюция РАПП и обсуждаться вопрос о выборе бюро секции и постоянного руководителя, в 18 ч., в помещении МАПП (Тверской бул., 25). Явка для членов обязательна.

— **Комиссия живого слова ГАХН** (ул. Кропоткина, 12), в 20 ч., доклад Л. Е. Случевской: «Методика живого слова на литературной экскурсии». Приглашаются: педагоги, словесники, экскурсионные и музейные работники. Вход свободный.

5 февраля:

— **Шефский вечер для 1 химполка** Всероссийского союза советских писателей. О чтением своих произведений выступят: Э. Багрицкий, М. Мстиславский, Н. Огнев, П. Павленко, П. Романов. Вход по членским билетам и приглашениям. Начало 20 час.

— **Второй вечер молодых конструктивистов** в Доме печати, в 20 ч. Выступают: Н. Асеев, Л. Лавров, К. Митрейкин, В. Цвелев. Вступительное слово—В. Инбер. После вечера—диспут о творчестве молодых конструктивистов.

6 февраля:

— **Практические занятия секции детской литературы ВССП,** в 20 ч. Чтение и обсуждение рукописей: Акульшина, Зарецкой, Ланской, Саконской, Тейн.

7 февраля:

— **Дом ученых** (ул. Кропоткина, 12) устраивается художественный вечер памяти Герцена, в 19 ч. Участвуют: Е. И. Бармина, А. Г. Бовшек, Г. Е. Инженкинская, Ф. Когана, В. Ф. Лебедев, В. А. Пяст, Л. Н. Степаненко, В. А. Филиппов. Вступительное слово—П. С. Когана.

Ответств. редактор: **С. И. Канатчиков.**
Издатель: Акционерное Издательское О-во «Огонек».

ЗРЕЛИЩА

Театр РЕВОЛЮЦИИ (ул. Горького, 19, тел. 4-49-41). Сегодня 3-го **Человек с портфелем** Нач. в 7 ч. 30 м.
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВ. КАМЕРНЫЙ ТЕАТР (Новоим. бул., 23. Тел. 5-44-13). Сегодня, 3-го, 4-го 3-й от. 2 аб. **ОПЕРА НИЩИХ.** 5-го—2-й от. 5-го об. АНДРИЕНА ЛЕКУВРЕР. Нач. 7 ч. 30 м.
ГОС. ТЕАТР им. Вс. МЕЙЕРХОЛЬДА (Б. Сухаревская, 24. Тел. 1-40-37). Сегодня 3-го 4-го 4 отд. 2 аб. 5-го 4 отд. 3 аб. **ВЫСТРЕЛ** Нач. 7 ч. 30 м.
ГОСТЕАТР имени Евг. ВАХТАНГОВА (Арбат, 26, тел. 2-70-57). Сегодня 3-го. **ЧАЙКОВИ** Нач. 7 ч. 30 м.
РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОС. ТЕАТР (Четвертая Студия МХАТ. Тверской бул. 1. Т. 1-42-31). Сегодня 3-го 4-го—**НОРД-ОСТ.** 5 и 6-го **БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК.** Нач. 7 ч. 30 м.
СТУДИЯ МАЛОГО ТЕАТРА (Б. Никитск., 1 пер. 10. Тверской 2-77-90). Сегодня, **„ДИКАРЬ"** 3 и 6 отделения. Завтра — **„ПЕРЕПЛАВ"** 10-го — **„ШУЛЕР"** 4 отд., 1 аб. Нач. 7 ч. 30 м.
Моск. театр **САТИРЫ** (Сад.-Триумфальн. пл. 1/2, тел. 3-67-30). 4-го **ПЕРВЫЙ КАНДИДАТ** Сер. А, 5 абон. 5-го **ВРЕДНЫЙ ЭЛЕМЕНТ** Нач. 8 час.
Моск. театр **ОПЕРЕТТЫ** (Дмитровка, б. Кисловский, 16, т. 3-41-43. Касса 11—2 ч. и 5—9 ч. в. Нач. в 8 час. вечера). Сегодня 3-го **Людовик...Кадцатый** 4/II — **РОЗ-МАРИ.** 5/II — **ЯРМАРКА НЕВЕСТ**

Управление Московскими зрелищными предприятиями

ША-НУАР	Тверская, 48. Кас. 3-80-48	НОЧНОЙ КРИК
УРАН	Срет., 19. Тел. 2-13-74. Нач. сеанс. с 12 ч. д.	ДВЕ ЖЕНЩИНЫ
ЭРМИТАЖ	Кар. р., 3. Т. 47-97. Нач. сеанс. 8.30	ДВЕ ЖЕНЩИНЫ
УКИОН	Ник. вор. Тел. 1-59-44. Нач. сеанс. с 12 дня.	БАБЫ РЯЗАНСКИЕ
ПАЛАС	Страстн. пл. Т. 5-06-53. Театр откр. с 12 ч. д.	Проект инженера Стронга
РАБОЧИЙ	Зоол. с. Т. 3-04-30. Нач. с 6 ч. Пр. с 4.30.	НОЧНОЙ КРИК
АМПИР	Шереметь., 19. Т. 76-20. Нач. сеанс. 7.30 ч. в.	С 3/II—КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА С 5/II—ПОСТОРОННЯЯ ЖЕНЩИНА
3 РАБОЧИЙ	Землян. в Т. 1-25-22 Нач. сеан. с 12 ч. дня	НОЧНОЙ КРИК
АВРОРА	Покр. в. Нач. с 12 д. Карт. иллюстр. орк.	НОЧНОЙ КРИК
УК. МОСКОВЕЦА	Валов. ул. Тел. 8-18-76. Н. 12 д.	С 3/II—БЕГСТВУЮЩИЙ ОСТРОВ С 6/II—ЗАМАЛЛУ
ЗАРЯ	Пятницк., 2. Т. 5-15-96. Нач. сеанс. с 4.30 ч. д.	С 3/II—ЗАМАЛЛУ С 5/II—БЕГСТВУЮЩИЙ ОСТРОВ
ШИН-ШИ-ЛУН	Гоуз. 51. Т. 3-21-57. Нач. с 12 ч. дня.	БЕГСТВУЮЩИЙ ОСТРОВ
ИСКРА	Срет. в 4 Т. 3-75-11. Нач. сеанс. с 12 ч д.	ЛЕДЯНАЯ СУДЬБА
ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ	Нач. сеан. с 12 ч. дня. Пресн. пом. Пушкину. Т. 4-82-97.	С 3/II—ВТОРОЙ БРАК С 4/II—ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
СПАРТАК	Земл. в. Т. 4-82-93. Нач. с 12 ч. дня.	КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА
ЭКСПРЕСС	Цв. б. Т. 4-15-85. Нач. с 12 ч. дня.	С 3/II—НАНУК и 2-ая ДЕТСК. КЛИНИКА С 5/II—ВОРОТА СМЕРТИ и ВТОРАЯ ГРОЗА
АРС	Арбат, 51. Тел. 5-04-53. Нач. сеанс. с 12 ч. дня.	С 3/II—СИЛА И КРАСОТА. 6/II—Вечер культурфильмы.
МАЯК	Покровка, 19. Т. 43-19. Нач. 6, 8, 10. Пр. 4.30.	С 3/II—ЧЕЛОВЕК ОГНЯ. С 6/II—ГОРНАЯ БАЛЛАДА.
ЛЮКС	Пресн., 11. Т. 1-91-44. Нач. с. с 7 ч., пр. с 5 ч.	ЛЕДЯНАЯ СУДЬБА
СОКОЛ	Семеновская застава. Т. 57-13. С. 6.30. Пр. 4.30.	ЗАМАЛЛУ. С 3/II—БЕГСТВУЮЩИЙ ОСТРОВ.
ОКТЯБРЬ	Вахт., 11. Т. 1-80-14. Нач. с. с 6 ч. веч.	ЗАМАЛЛУ
МАРС	Русаковская ул., 1/19. Т. 52-56. Нач. с. с 12 ч. д.	НОЧНОЙ КРИК

1-й ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СОВКИНО-ТЕАТР. Арбатская пл. Телефон 1-67-94. Начало с 12 час. дня. Карт. сопр. симф. орк. пр. **Ф. Ф. КРИШ.** Сегодня 3-го февраля и ежедневно. Мировые артисты Анн-Де-Путэ, Вернер Краусс, Георг Александр в заграничной картине **РЕВНОСТЬ.** Дети до 16 лет не допускаются.

СМОТРИТЕ КАРТИНУ **ГИГАНТ** В КИНО-ТЕАТРЕ **ТЭФ** В ЗДАНИИ ПОЛИТЕХНИЧ. МУЗЕЯ. 5, 6, 9, 10 и 11 февраля. Нач. сеанс. 6, 8 и 10 ч. При входе в кино-театр **смотрите выставку к фильме „Гигант".** При групповом организованном посещении **предоставляется скидка.** Места бронируются по тел. 5-76-24.

МЮЗИК-ХОЛЛ, Б. Садовая, 18. Тел. 1-51-42. Сегодня, 3 отд. в. „АТТРАКЦИОНЫ В ДЕЙСТВИИ" Эстрадно-цирковой монтаж в 3-х отделениях. Мировой аттракцион **6 КЛИКЕТ** Бесконечные акробатки. Г. Г. БОРАНОВ с новыми номерами. 1-й раз в Москве **ТЕА-ДЖАЗ** под упр. и с участ. **Леонида УТЕСОВА.** Заслуж. арт. **Б. С. БОРИСОВ** новые песенки. **Г. И. АФОНИН** фельетоны. **40 GIRLS** в новой постан. К. Я. Голейзовского. Конферанс. А. А. КРИЛЛЬ. Дир. Д. Я. ЯСКРАСС. МЮЗИК-ХОЛЛ ПО-ЛЕТНЕМУ ОТКРЫТ НА ПЕРЕРЫВ НА НЕДЕЛЮ. Мюзик-Холл радиофицирован. Слушать в Московской телефон. сети. Нач. в 8 час. веч.

ГОСИЗДАТ РСФСР.

КНИГА И РЕВОЛЮЦИЯ

Отв. ред. Н. К. Крупская.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ, КУЛЬТУРЫ, КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ, ВЫХОДИТ ПО ДЕКАДАМ

№ 3

В 1930 году выйдет 36 номеров

В НОМЕРЕ: ОТАТЬИ—И. ПРОКОПИЧ—Ликвидация кулачества. И. КУЗНЕЦОВ—На путях к социализму. С. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ—Кадры социалистического хозяйства. М. ПОТАШ—За партию. Н. ЕЛИЗАРОВ—Библиотека, которую нельзя рекомендовать. И. СИТКОВ—О дешевой книге. Ф. КАНАЕВ—Против меньшевистского эклектизма. Г. ВОЙСЫ—На новых путях. А. КОЗОВСКАЯ—Против вульгаризации на культурном фронте. В. ВИНУКОВ—Новая литература для рабочих. ОБЗОР ЖУРНАЛОВ: А. ПОДГОРНЫЙ—На аграрном фронте. А. ЗЕКЦЕР—Красный архив. БИБЛИОГРАФИЯ ПО ВОПРОСАМ: Политика. Экономика. Культстроительство. Художественная литература.

Стр. 48. Ц. 35 к.

Подписка принимается: ПО МОСКВЕ и Моск. обл. Мосгоргизом „МОЖОВСКИЙ РАБОЧИЙ", МОСКВА, Неглинный пр., 9, ИЗ ПРОВИНЦИИ—Периодсектором Госиздата, Москва, Центр, Ильинка, 3, в отдел. и магазинах, а также во всех почт.-телегр. конт. и у письмоносцев.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—10 руб., на 6 мес.—5 р., на 3 месяца—2 руб. 50 коп.

ОТКРЫТО МЯСНИЦКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ПОЛИКЛИНИКИ 1-го МОСК. ГОСУД. УНИВЕРСИТЕТА МЯСНИЦКАЯ, д. 24, кв. 114, во дворе. Тел. 2-41-73. ПРИЕМ ВСЕХ ГРАЖДАН ПО ВСЕМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ профессорами, приват-доцент. и ассистент. университета. ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ. Уврач. и организац. скидка по договору. Прием больных от 8 утра до 9 вечера. Плата по такс.

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ и ПРАКТИКИ ПЕЧАТИ **ЖУРНАЛИСТ**

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ. В 1930 году журнал дает приложение: **БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛИСТА** 4 книги. Свыше 400 стр.

Партия и печать; теория и техника газеты; профессиональн. жизнь; редакцион. действительность; рабселькор; фабрично-заводск. печати, газеты, литературная современность; издательство и книги; в школах печати; на производстве; реклама, распространение; полиграфия, печать за границей.

1. Печать — организатор общественного мнения во время и накануне войны.
2. Организация иностранных редакций и газетного производственного процесса.
3. Какой должна быть типичная, окружная и крестьянская газета.
4. Что такое очерк, каким он должен быть и как его делать.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1930 г.: Без прил.: 2 м.—6 р. 50 к.; 6 м.—3-50; 3 м.—2 р. и 1 мес.—70 к. С прил. „Библ. Журн.": 12 м.—10 р.; 6 м.—6-50; 3 м.—2 р. 75 к.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 6, Страстной бул. д. № 11. Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК". Подписка принимается также всюду на почте.

Объявления в ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ принимает Рекламный отдел ОГОНЬКА. ТЕЛЕФОН 1-42-96.

ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ПЕЧАТАНИЕМ ПЕРВЫЕ ДВЕ КНИГИ **БИБЛИОТЕКИ РОМАНОВ** ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ М. ГОРЬКОГО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1930 ГОД

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: „ОГОНЕК" (36 №№) и БИБЛИОТЕКА РОМАНОВ (24 книги, около 4500 страниц) в год—15 руб. Допускается рассрочка: при подписке 4 руб., к 1 марта—4 р. 60 к., к 1 мая—3 руб. 50 к., к 1 июля—3 руб.

ВСЕ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ и ПОДПИСЧИКИ В РАССРОЧКУ ПОЛУЧАТ БЕСПЛАТНО **4 ХУДОЖЕСТВ